

Тея Лав

Опасная игра

Manga
gata

18+

Тея Лав
Опасная игра
Серия «Бесконечная игра», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73957667
Опасная игра: Мангата; Москва; 2026
ISBN 978-5-6054635-7-3

Аннотация

Это больше не игра. Хоккей был игрой в школе.

Это даже не цель. Это все, что есть.

Если ты играешь в хоккей, это превращается в твою жизнь.
Больше ничего быть не может.

Теперь амбиции Ноэля позволяют ему не просто мечтать, а серьезно думать о большом спорте. Ничто не должно отвлекать. Даже сейчас, когда он играет в юниорской лиге.

Но хоккей – это не только тренировки, борьба и победы. Это семья. На льду только так.

Содержание

Плейлист	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	44
Глава 7	52
Глава 8	58
Глава 9	63
Глава 10	69
Глава 11	79
Глава 12	84
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Тея Лав

Опасная игра

* * *

© Л., Тея, текст, 2026

© Издание на русском языке, оформление издательство
«Мангата», ООО «Норгис-пресс», 2026

Плейлист

mgk – jawbreaker

Ariana Grande – break up with your girlfriend, i'm bored

Halsey – Die 4 Me

mgk – papercuts

Eminem – Just Lose It

Jaymes Young – Infinity

YUNGBLUD – casual sabotage

Sum 41 – Underclass Hero

Katy Perry – Roar

Linkin Park, Jay-Z – Numb / Encore

Panic! At The Disco – Miss Jackson

bülow – Not A Love Song

mgk (feat. iann dior) – nothing inside

Post Malone – Circles

Miley Cyrus – Midnight Sky

Sum 41 – Some Say

Halsey – Nightmare

Sum 41 – Walking Disaster

Good Charlotte – The River

The Neighbourhood – Scary Love

mgk – roll the windows up

Cardi B – Up

AC/DC – Highway to Hell

Lady Gaga – Alejandro

YUNGBLUD – parents

YUNGBLUD – Die A Little

Sum 41 – Pieces

Глава 1

Маккензи

Он появляется спустя два дня после игры. Я помню расписание «Росомах» и знаю, что ему нужно уезжать рано утром в Ванкувер. Тем не менее Ноэль здесь, поздно вечером перед самым закрытием.

Я вопросительно смотрю на Колби. Тот кивает и направляется к единственному занятому столику. Ноэль сидит за стойкой, уставившись перед собой. Заметив мое приближение, он поднимает голову. Мы не звонили друг другу и даже не переписывались. Я понимала, что ему нужно время прийти в себя. О травме Чейза я узнала от дяди.

– Привет, – тихо говорю я, забираясь на высокий стул рядом с Ноэлем.

От него пахнет свежестью. Ноэль ничего не говорит. Он просто проводит холодным пальцем по моей щеке. Сердце непривычно подскакивает к горлу. Я думала, что смирилась со своим влечением к этому парню, но оказалось, что нет. Каждый его взгляд и движение приводит меня в восторг. Это давно забытое чувство, которое мог вызвать только он.

Мы молча смотрим друг на друга. Ладонь Ноэля на моей

щеке. Я подношу ее к своим губам и вижу в его ореховых глазах вспыхнувший огонек. Боже, как он красив. Этот парень сводит меня с ума. Своей непосредственностью, в какой-то степени наивностью и честностью. Я так привыкла к его улыбке. И сейчас мне грустно, потому что этой улыбки нет. Но он так же красив.

– Прости, что не звонил, – Ноэль прерывает мои поэтические мысли о нем.

Я опускаю его ладонь и провожу пальцами по мокрым от снега темно-каштановым волосам.

– Не извиняйся. Сейчас ты здесь.

Он кивает, слегка улыбнувшись.

– Хочешь поговорить? – спрашиваю я.

Ноэль раздумывает несколько секунд.

– Может позже. Не сейчас.

– Хорошо.

Едва касаясь его холодной кожи, я провожу пальцем по рассеченной коньком щеке. Линия пластыря тянется от правого уголка рта почти до самого уха.

– Еще болит?

Ноэль устало улыбается.

– Нет.

Я все еще ощущаю дискомфорт. Мне непривычны собственные чувства, и видя, как Ноэль расстроен, я должна поддержать его. Но не могу. Я не знаю, что делать и что говорить, поэтому просто сижу рядом и смотрю на него.

Но, кажется, Ноэлю не нужны слова. По крайней мере, я на это надеюсь. Он быстрым взглядом осматривает зал и приближается ко мне.

– Не могу дождаться закрытия.

– Я тоже, – шепчу я, и вместо того, чтобы спокойно закончить смену, я хватаю Ноэля за руку и веду его к уборным.

Как только мы оказываемся вдали от посторонних глаз и камер, то набрасываемся друг на друга. Ноэль тихо шипит, когда я, забывшись, хватаю его за лицо и целую.

– Боже, прости.

Он качает головой и, запустив пальцы в мои волосы, продолжает поцелуй. Запах, тепло, желание – я готова раствориться в нем.

Ноэль усаживает меня на раковину, а я обхватываю ногами его бедра. Не знаю, сколько проходит времени, но Ноэль отстраняется.

– Нас не должны застукать.

Я тянусь к нему, сжимаю в руках его куртку.

– Не так уж мне и нужна эта работа.

Ноэль тихо смеется и качает головой.

– Я так и думал. Но ты бы хотела уволиться?

Его вопрос застает меня врасплох. В принципе, я могу уйти из «Ваша пицца», ничего не потеряв. Но... так ли это? Я привыкла слушать безумные рассказы Колби о его коте, о походах к ветеринару и поучениях о том, что нельзя кормить животных холодным паштетом. Мне нравится наблюдать за

тем, как Руби считает выручку в конце смены. Она складывает наличные и чеки в ровные стопки и начинает считать, при этом подпевая себе под нос. Если в смене Майя, в зале всегда тихо играет кантри, и чаевых у нас больше, чем в любые другие дни. Она умеет общаться с людьми. Мне нравится болтать с Келом о фильмах, в которых он замечает какие-то отсылки и смыслы, о которых я даже подумать не могла, если бы вообще когда-то думала. Мне даже иногда нравится Финн. Он вечно хмурый, но это только забавляет. Он вовсе не строгий, каким хочет показаться.

Поэтому нет. Я не готова уходить отсюда.

– Нет, – честно отвечаю я. – Мне здесь начинает нравиться.

Даже несмотря на выходку моих бывших друзей, я готова и хочу здесь работать.

Ноэль широко улыбается, но тут же морщится от боли в щеке.

– Черт, я даже не могу нормально улыбаться.

Я осторожно целую его в пластырь и спрыгиваю с раковины.

– Если ты готов подождать меня еще тридцать минут, я обещаю, что смогу помочь тебе забыть об этой досадной штуке на твоём лице.

Глаза Ноэля озорно блестят.

– Ради этого я готов ждать сколько угодно.

Глава 2

Ноэль

Вторая выездная игра в Альберте. Когда мы приезжаем в Медисин-Хат, чтобы вечером выйти на лед «Тигров», выпадает снег. После ванкуверского зимнего дождя это кажется диким. Большую часть дня я сплю, а на раскатке чувствую себя отвратительно. Мой взгляд раз за разом приковывается к рамке, в которой стоит восьмой номер – Дэйв. Не тридцатый.

Чейз пришел в себя два дня назад. Но пока с ним нельзя связаться, тем более увидеться. Сама мысль о его травме сводит с ума. Я понимаю, что такое может произойти с любым. Это хоккей. Сегодня я могу быть будущей звездой НХЛ, а завтра – со сломанным позвоночником, и ни о каком будущем не может быть и речи. По крайней мере, в спорте. Но по какой-то детской наивности я полагал, что со мной этого не случится. И с моими друзьями тоже. Теперь я понимаю, что стоит на кону и что возможно все.

Победа у «Тигров» буквально вырвана зубами в овертайме. Тренер нами недоволен, и мы тоже. После игры я забираюсь в кровать в номере отеля и звоню Маккензи.

На экране появляется ее лицо, и я стараюсь сдержать смешок.

– Ух ты, вау, – восклицаю я и все же улыбаюсь.

Недовольную гримасу Маккензи можно разглядеть даже через слой какой-то непонятной жидкости, которая покрывает все ее лицо.

– Ни слова.

– О боже, ты мой лягушонок.

– Не смей.

– Что? Ты же специально!

– Вовсе нет.

– Что это? Хэллоуин не скоро.

Маккензи фыркает и поправляет на голове зеленый ободок с лягушачьими ушками.

– Твои шутки иногда такие...

– Какие? – подстрекаю ее я.

– М-м... глупые.

Я разочарованно вздыхаю.

– Где моя Маккензи?

Она улыбается.

– Тупые, Ноэль. Твои шутки тупые. Они не подходят для почти девятнадцатилетнего сексуального хоккеиста.

– Вот моя девочка, – одобрительно киваю я. – Как же меня заводит, что ты называешь вещи своими именами.

Сначала Маккензи вопросительно смотрит на меня, затем театрально закатывает глаза.

– Ну да, ну да, я забыла про твое самомнение.

Прикусив нижнюю губу, я задираю футболку и наклоняю телефон так, чтобы она увидела мой пресс.

– Ну разве это не горячо?

Маккензи переворачивается на живот. Теперь я вижу, что на ней тонкая, почти прозрачная майка, которая мало что скрывает.

Я тихо вздыхаю.

– С недавних пор я стал ненавидеть выездные игры.

Она улыбается, замечая, куда направлен мой взгляд.

– Ты один?

Я делю номер с кэпом. Он и еще несколько ребят из команды решили пройтись по городу и где-нибудь перекусить. Но у меня на это не хватило сил.

– Один. Думаешь, я бы мог быть откровенным в присутствии кого-то?

Маккензи смотрит так, словно я ее оскорбил.

– Ты?

Отмахнувшись, я удобнее устраиваю телефон на бело-снежной подушке.

– Надеюсь, у нас достаточно времени, чтобы ты узнала меня еще больше.

Теперь Маккензи серьезна. Даже несмотря на это зеленое безумство на ее лице, я вижу, как она задумалась. Ведь я сейчас говорю о нас, о наших отношениях. Я сам не до конца понимаю, что от них ждать. Но единственное, в чем я уверен,

это в том, что хочу быть с ней. Несмотря ни на что.

У меня даже не было времени подумать о сообщениях, которые приходили от анонимного аккаунта. В тот день, когда я увидел то странное видео с Маккензи и парнем с вечеринки, я не мог соображать. Я думал только о Чейзе. На следующий день я удалил видео и решил больше о нем не вспоминать. У Маккензи есть прошлое, и что-то в нем явно не очень гладко. Она сказала острую фразу про отца, что у нее больше нет друзей, и этот Хейден... Он был на вечеринке, с которой Маккензи ушла. Теперь я понимаю, почему. Наверное, мне нужно спросить, следует вмешаться. Но пока это просто какие-то глупые сообщения и одно видео. Реальных угроз не поступало. Но что, если поступают ей?

– Я тоже на это надеюсь, – отвечает Маккензи.

Я больше не улыбаюсь и приближаюсь к экрану.

– Малышка, у тебя все хорошо?

На секунду глаза Маккензи округляются, но затем она выдыхает и непринужденно улыбается.

– Да. Почему ты спрашиваешь?

Я пытаюсь правильно подобрать слова.

– Просто... хочу дать тебе понять, что я рядом. Если что-то не так, ты ведь скажешь?

– Ноэль, я...

– Мы говорили об этом. Мне сложно понять, что в твоей голове. Я не прошу рассказывать все. Я просто хочу быть уверен, что ты в порядке.

Маккензи садится на кровати, скрестив ноги. Ее белоснежная пижама и зеленое безумие на лице – теперь мой любимый образ.

– Со мной все хорошо, – отвечает она. – Я не умею, как ты.

– Что ты имеешь в виду? – Я удивленно вскидываю брови.

– Дать понять, что я тоже тебя поддерживаю, что тоже хочу, чтобы ты знал, что я с тобой, что мне жаль, что тоже волнуюсь за Чейза...

– Маккензи.

Она замолкает, глядя на меня.

– Умеешь, лягушонок.

Она улыбается, сообразив, что только что выложила все, что чувствует. Но затем снова хмурится.

– Не называй меня так.

Я громко смеюсь.

– О нет. Ты теперь от этого не отделаешься.

– Ноэль!

– Лягушонок? – говорю я и смеюсь еще громче.

– Кстати, – продолжает она. – Что ты хочешь на свой день рождения?

Я задумываюсь на пару секунд.

– Огромный торт и тебя.

Она закатывает глаза.

– Что? – продолжаю я. – Серьезно.

– Отлично, но я у тебя есть.

– Тогда еще одну.

Маккензи всем своим видом пытается показать, что не злится. Как же ее легко выводить на эмоции. Нет, я не собираюсь этим пользоваться ради своего удовольствия. Загвоздка в том, что я почти всегда так себя веду, а Маккензи еще не привыкла.

– Ничего не нужно, – уже серьезнее отвечаю я. – Сейчас у меня плотный график. Мы же решили, что придумаем что-нибудь после серии игр.

Она кивает, немного задумавшись.

– Хорошо. Тогда у меня еще есть время.

Глава 3

Маккензи

Дядя Дастин знает о нас с Ноэлем. Он весь вечер меня подкалывал, пока Аманда тыкала его в бок. Я знаю, что Сэм проболтался, он сам в этом признался. Я лишь игриво продолжала делать вид, что ничего не понимаю.

Все мое воодушевление пропадает на следующий день, когда я вижу утром сообщение от мамы. На самом деле, в какой-то степени, я даже чувствую облегчение. Мне проще пережить переписку или даже встречу с ней, чем с Хейденом или Аланис. Они еще дадут о себе знать, это лишь вопрос времени. Странный вопрос Ноэля вчера вечером навел меня на мысль, что он знает. Что-то знает. Хейден был там, и они не оставят меня в покое. Возможно, мне бы стоило самой с ним связаться. Откупиться или пригрозить. Но паутина лжи будет лишь расти. К тому же вряд ли теперь угрозы что-то значат для Хейдена. Как и деньги. У него другой план.

Мама: Поужинаем все вместе в «Лидс»? Дастин и Аманда согласились, но я жду твой ответ.

Я перечитываю сообщение от мамы несколько раз. Что ей нужно?

Это не просто семейные посиделки. Подобное не про нашу семью. И вряд ли она просто соскучилась. Ей что-то нужно, я хорошо знаю свою мать.

Напряжение и предчувствие чего-то неприятного не отпускают, пока мы добираемся до города. При виде дяди Дастина и Аманды мама подскакивает со стула. Она забронировала столик с видом на залив в едва ли не самом дорогом ресторане Эдмонта. В трате денег ей не было равных. Даже арест всех счетов отца почти ничего для нее не изменил. Родители мамы заработали состояние на фармацевтическом бизнесе, который она продала перед тем, как выйти замуж. У нее всегда были деньги.

– Ты отлично выглядишь, Кейтлин, – говорит Аманда, поцеловав маму в щеку.

– Ты тоже, милая.

Я стою позади дяди, пока он обменивается с мамой вопросами.

«Как ты?»

«Хорошо, а ты?»

«Прекрасно выглядишь».

«Ты тоже».

«Давно не виделись».

«Действительно».

«Много воды утекло с тех пор... Но мы все же семья».

Да, да, семья.

Когда мама смотрит на меня, на секунду я забываю обо

всем. Мне действительно хочется ее обнять. Хочется, чтобы она спросила, как у меня дела. Чтобы все было, нет, не по-старому, но по-другому. Но было так, как было, и глупо сейчас расстраиваться из-за этого. Предчувствие меня не покидает, и я не хочу снова думать о том, что могло бы быть по-другому. Такие мысли ни к чему не приведут.

– Я скучала по тебе, солнышко.

При тете и дяде она целует меня в щеку, а не воздух рядом. Ее ладони потирают мою спину, пока я пытаюсь придумать, как ответить на неожиданное объятие.

– Как ты? – отстранившись, интересуется она.

Я пытаюсь улыбнуться, но выходит гримаса. Не умею притворяться.

– Отлично, ты как?

– Превосходно, – в отличие от меня, мама умело фальшивит.

Но справедливости ради, могу поверить, что она улыбается искренне. Просто ее радость по какому-то другому поводу. Или это все же притворство, потому что ей что-то нужно.

Подают закуски, затем горячее. Я ковыряюсь вилкой в тарелке и периодически пытаюсь подключиться к прямому эфиру. «Росомахи» прямо сейчас играют с «Уинтерхоксами» в Портленде. На западном побережье Штатов на час раньше, чем в Альберте, значит, идет примерно второй период. Мне хочется швырнуть телефон, потому что связь здесь очень плохая, и я даже не могу загрузить страницу.

– Маккензи, все в порядке? – спрашивает Аманда, которая сидит рядом со мной.

Напротив нас дядя Дастин и мама вспоминают Рождество, когда Джо – старший сын дяди Дастина и Аманды – сделал предложение своей девушке. Я даже не помню, когда это было. И Джо приезжает редко, но каждое воскресенье они звонят всей семьей по фейс-тайм.

– Да, – тихо отвечаю я.

Аманда понимающе улыбается.

– Связь здесь очень плохая. Где сегодня играют «Росомахи»?

От неожиданности вопроса я открываю и закрываю рот.

– Портленд.

– Ясно. У нас есть шанс познакомиться с ним?

– Боже, тише. – Я наклоняюсь ближе к Аманде и кивком указываю напротив. – Я не хочу отвечать на ее бесконечные вопросы.

Аманда больше не говорит «ведь это твоя мама». Это никогда не было аргументом.

– Ну так что? – шепотом спрашивает Аманда.

Я качаю головой.

– Не знаю. Ты видела его.

– Номер пятнадцать.

Фыркнув, я делаю глоток воды из бокала.

– Год рождения, номер телефона и номера телефонов ближайших родственников – Сэм и это рассказал?

Аманда игнорирует мой сарказм.

– Ты сидела рядом со мной, когда мы ходили на игры «Росомах».

Скрывать и правда глупо.

– Мы только на старте. Я волнуюсь, со мной такое впервые.

– Какое? – уточняет Аманда.

На секунду я задумываюсь.

– Адекватное?

Аманда открывает рот, чтобы ответить, но мама нас перебивает.

– Не посвятите нас?

Тысячу раз «нет».

– Пустяки, – натянуто улыбаясь, отвечаю я. – Мама, не хочешь посвятить нас, зачем мы здесь?

Над столом повисает тишина. Только тихо играет музыка, в глубине ресторана слышны тихие разговоры других посетителей. За окном над заливом снег падает крупными хлопьями. Это не та атмосфера, чтобы создавать конфликты. Но, боже мой, как я устала гадать.

– Я не могу увидеться с близкими? – Мама жеманно делает большой глоток вина. Затем она откидывает назад длинные черные волосы.

Этот жест говорит о том, насколько сильно она волнуется.

– Не припомню такие вечера, когда ты собирала нас просто так.

Дядя Дастин укоризненно смотрит на меня, а Аманда тяжело вздыхает.

– Маккензи, – дядя привлекает мое внимание. – Не стоит...

– Все нормально, Дастин, – прерывает его мама. – Ты разве не знаешь, как Маккензи любит устраивать сцены?

С этим сложно поспорить, но в данный момент ее слова задевают.

На мою защиту приходит Аманда.

– Твоя дочь меняется, Кейтлин. Но что бы ни происходило, она остается твоим ребенком.

Мама не находит ответа. Это прямой вызов, и Аманда впервые озвучила то, о чем говорила за закрытыми дверями со своим мужем. По крайней мере, я так считаю. Потому что при мне они ни разу не осуждали моих родителей.

– Возможно, я не идеальная мать, – сказав это, мама поджимает губы.

Дядя Дастин смотрит на всех нас, подбирая слова.

– Кейтлин, – все же говорит он маме. – Я тоже думаю, что ты хочешь нам что-то сообщить.

Я напрягаюсь, когда в глазах мамы моментально исчезают слезы, которые должны были вот-вот пролиться. Она явно не планировала это озвучивать так. Не хотела, чтобы ее вынуждали. Она явно думала плавно завести этот разговор и чтобы ей предложили то, что ей нужно, сами.

Я не дала ей эту возможность, поэтому ловлю на себе ее

осуждающий взгляд и внезапно все понимаю.

– Тебе нужны деньги.

Она должна быть мне благодарна хотя бы за то, что ей не нужно было об этом говорить самой.

Такое ощущение, что именно в этот момент мой мир снова разрушается. Я так устала жить с чувством вины, и когда наконец-то нашла способ избавиться от этой тяжести, она снова возвращается. С новой силой. Словно я виновата в том, что она так быстро потратила все свои средства, а счета отца заблокированы.

Так странно, что брак моих родителей длится до сих пор, и даже тогда, когда мама пропадала на Боракай в окружении своих филиппинских друзей в белых одеждах и бокалами в длинных пальцах.

Мама удивленно смотрит на меня, хлопая длинными ресницами. Она красивая. Действительно очень красивая, и в ней нет ни капли чего-то ненатурального. Это тот самый случай, когда у человека идеальный генофонд. По крайней мере, внешний.

– Как ты... – тихо произносит мама.

Но я вижу в ее глазах растерянность. Ее чувство гордости задето.

Я не делала это намеренно, лишь озвучила мысль, которая буквально ворвалась в мою голову.

Мы с мамой продолжаем сверлить друг друга взглядами, когда дядя осторожно кладет ладонь на стол, привлекая к

себе внимание.

– Давайте обсудим все без ссор.

Боковым зрением я вижу, как Аманда качает головой, и этот момент ловит взглядом мама. Она чувствует витающее в воздухе осуждение. Я не знаю, заслуживает ли она его, но прямо сейчас думаю, что заслуживает.

– Я хочу быть счастливой, – защищается мама.

– Его осудили всего несколько месяцев назад, – решительным голосом произносит дядя Дастин, глядя на нее. – Но кто я такой, чтобы осуждать.

Мама снова пьет и с громким стуком ставит бокал на стол.

– Именно это вы все и делаете. Вы ничего не знаете.

– Я просто пытаюсь понять.

Мама отвечает не сразу.

– Это сложно. Я осталась одна. Адвокат, судебные издержки...

– Которые взял на себя я, – добавляет дядя Дастин.

Я заливаюсь смехом.

– Фантастика.

– Маккензи, прекрати. Твой отец в тюрьме. Меня угнетают эти мрачные стены, когда я прихожу к нему. Не могу так больше...

– Дядя не обязан тебя содержать.

Я ловлю на себе озлобленный взгляд матери. Она сидит прямо напротив меня. Склонившись над столом, она буквально выплевывает:

– И кто же виноват, что твой отец за решеткой? Что нашей семьи больше нет? Ты, Маккензи. Это тебе нужно было засунуть свой нос, куда не следует. Это ты и твоя нездоровая привязанность к этому мальчишке, отпрыску Гарри...

– Достаточно!

Мама замолкает и с испугом, смешанным со злостью, смотрит на дядю Дастина.

– Если бы ты пришла и искренне попросила меня о помощи, – негромко, но достаточно доходчиво говорит ей дядя, – я бы помог тебе. Я всегда это делал, Кейтлин. Это не сделало бы тебя хуже в моих глазах. Но слушать, как ты прямо здесь, передо мной и моей женой, обвиняешь собственную дочь в том, что вы с Эдом, два взрослых человека, не смогли устроить свою жизнь, вызывает к тебе отвращение. Мой брат не смог построить свой бизнес так, чтобы это не нарушало закон, а ты недостаточно или даже совсем не дала и каплю любви своей дочери – и в этом не ее вина. Все, что с вами произошло, целиком и полностью ваша вина! Твоя и Эда. Просто прими это. А теперь извини, – дядя бросает на стол салфетку. – Мы уезжаем.

Аманда встает вслед за дядей, даже не взглянув на маму. Трясущимися руками я засовываю в сумочку телефон и вижу перед собой протянутую руку дяди.

– Ты едешь? – мягко спрашивает он, тем самым давая понять, что дает выбор, что не осудит, если я решу с ней остаться.

Но я беру его за руку, и мы втроем уходим.

Мне хочется развернуться и броситься к ней. Я борюсь с собой изо всех сил. То чувство стыда снова вернулось, и я не могу с ним справиться. Мне хочется доказать, хочется услышать, что я не виновата. Услышать это именно от нее.

Но мне все же удастся с собой справиться. Уже по дороге домой, сидя на заднем сиденье и слушая тихое пение радио, я смотрю в окно и вдруг осознаю, что не ответила матери. Я снова справилась. Или, возможно, это был стресс. Не знаю.

– Ты в порядке, милая? – интересуется Аманда, повернувшись ко мне с переднего сиденья.

Я киваю.

– Да, спасибо, Аманда.

Мы ничего не комментируем и не обсуждаем эту ситуацию. Она того и не стоит. Думаю, каждый сказал все, что думал.

– Я хочу встретиться с отцом.

На самом деле, мне хотелось увидеть его очень давно. Я не была ни на одном заседании суда. Не видела его с того дня, как на его руки надели наручники.

Дядя Дастин бросает на меня быстрый взгляд, затем снова смотрит на дорогу.

– Хорошо, Маккензи. Мы навестим его.

Глава 4

Ноэль

В Сиэтле я слышу свое имя с трибун. Болельщики поднимают плакаты с номером 15, а я даже не знаю, как описать свои чувства. Но это пустяки по сравнению с тем, что после игры мне сообщает тренер Зегерс.

– Тобой интересуются «Бостон» и «Торонто».

– Нет, – говорю я самую глупую вещь.

Но тренер понимает мое замешательство. Он улыбается и хлопает меня по плечу.

– Понимаю, парень. Но не теряй голову. Ты знаешь, как это работает.

Знаю. Если мной интересуются, это еще ничего не значит. Скауты этих клубов со мной лично не связывались, просто «взяли на карандаш». Я такой не один, поэтому...

Но все же сама мысль об этом не может не приводить в восторг.

Прежде чем выйти из раздевалки, тренер останавливается возле двери.

– «Бостон» и «Торонто» не единственные, кто тобой интересуются.

Я едва не роняю шлем.

– Кто еще?

На лице тренера хитрая улыбка.

– «Эдмонтон». И с днем рождения, Хейз.

– Спасибо, тренер.

Он уходит, а я остаюсь в раздевалке один на один со своими мыслями. В холле меня ждут парни, чтобы пойти куда-нибудь поесть, а я все еще подбираю челюсть. Из-за выездных игр мы не можем отпраздновать наш с Эйв день рождения, поэтому решили, что отметим его через месяц. И делаем это с размахом. Но только тогда, когда мой график станет более свободным.

«Эдмонтон Ойлерз». У меня есть возможность остаться здесь и играть на той же арене и на том же льду, на котором играю сейчас. Только уже в другой лиге.

НХЛ.

Три гребаные волшебные буквы.

* * *

Вечером в номере Майка и Дэйва парни рубятся в приставку и параллельно смотрят игру «Вашингтона» с «Филадельфией». Не с каждым в команде связался скаут, но многие из нас попали «на карандаш». Я хочу кричать на весь мир, но понимаю, как это глупо. Ничего не известно, ничего не понятно. По турнирной таблице «Эдмонтон» ниже «Бо-

стона Брюинз», но на прошлой неделе поднялись выше «Торонто Мэйпл Лифс». Вслух я никогда не признаюсь, но внутри себя мне страшно попасть в такую машину, как «Брюинз». Наверное, все новое пугает. Останусь ли я дома в Канаде или уеду в Америку, все неважно. Я буду играть на одном льду с теми и против тех, кем восхищался с самого детства. Это пугает еще больше.

– Придурок, я чуть в штаны не наложил! – кричит Майк, когда Грег наваливается на него сзади, незаметно подкравшись в номер.

– Да-а-а! – кричит Джерри, когда на экране Овечкин забрасывает в ворота «Филадельфии» шайбу. – Этот дед машина.

Номера достаточно большие, но наша команда едва вмещается, и пространство кажется тесным.

– Эй, Хейз! С днем рождения, чувак!

Я смеюсь, отбиваясь от медвежьих объятий Де Смита.

– Ты поздравлял меня уже сто раз.

– Девятнадцать лет. – Он продолжает стискивать меня. – Наш малыш уже большой. Ты не забыл про обещание?

– Нет. – Я со смехом уворачиваюсь от Де Смита и заламываю его руку, от чего тот верещит на весь этаж. – Через месяц мы отметим так, что будем вспоминать весь год.

– Ловлю тебя на слове, козел, – сквозь зубы цедит Де Смит. – Отпусти.

Отпустив его руку, я со смехом смываюсь в другой угол

комнаты и втискиваюсь на узкий подоконник. Достав телефон из кармана шортов, пишу Маккензи о победе. Она пока не в сети. Родители смотрят каждую мою игру, поэтому пишут или звонят почти сразу после финала, а Эйви с Энтони вообще мои самые главные фанаты. Так что я купаюсь в лучах славы, пролистывая наш общий чат. Учитывая, что сегодня наш день рождения, внимания еще больше. В чате уже больше дюжины фотографий из Досон-Крик. Эйв решила навестить папу, Хелен и Ноя, поэтому они празднуют дома. Я смотрю на лица своей сестры и младшего брата, стоящих по колено в снегу возле подъездной дорожки с огромными лопатами в руках. Надеюсь, Ноем за это заплатят. Раньше я всегда получал дополнительные карманные деньги за уборку снега и тратил их на блинчики из «Маки». Боже, как я скучаю по этим блинчикам. К сожалению, это едва ли не единственная достопримечательность моего родного города. У меня почти нет плохих воспоминаний, связанных с домом, в школе было весело, но чем старше мы становились, тем скучнее там казалось.

– Эй, чувак. – Рядом со мной оказывается Майк. Он закидывает свою огромную татуированную руку мне на плечо и наклоняется, чтобы заглянуть в телефон. – Эй, как поживает наша приз-малышка?

Все мое тело напрягается. Я убираю телефон в карман.

– Ты действительно только что это сказал?

Улыбка сползает с лица Майка. Он видит, что я не шучу.

– Хейз, ты что, серьезно? Она же... просто цыпочка.

Приз-малышка, цыпочка – очень мило.

– Ее зовут Маккензи, чел. Она моя девушка.

Майк посмеивается и смотрит по сторонам, чтобы наш разговор никто не услышал.

– Понимаю, – тихо говорит он. – Племянница самого Коффи.

У меня не было неприятностей с парнями такого рода. За девушку мне драться не приходилось, я и сейчас не собираюсь. Но если придется...

Я убираю руку Майка со своего плеча.

– Сначала ты называешь мою девушку «призом», а потом оскорбляешь меня, намекнув, что я с ней из-за ее знаменитого дяди. Тебе не кажется это чересчур для одного разговора?

– Да ладно тебе, Хейз, – Майк пытается как обычно отшутиться.

– Ну, ты уверен в том, что говоришь?

– Может не станешь обижаться на шутки? – Майк выглядит недовольным.

Усмехнувшись, я качаю головой.

– Обида – это совсем другое. Мне просто не нравится, куда ты ведешь.

Майк приподнимает руки в защитном жесте.

– Окей, чел, виноват.

Но он не выглядит виноватым.

– Забей.

– Эй, слушай, я просто не думал, что у вас все серьезно.

Это может быть похожим на правду. Майк из тех, кто несет всякую чушь, совершенно не задумываясь. Конечно, это его не оправдывает, просто он такой.

– Теперь знаешь, – уже спокойнее говорю я.

Майк кивает.

– Мир тесен. Она была подружкой моего хорошего знакомого, поэтому я наслышан.

Он привлекает мое внимание. Я тоже оглядываюсь, чтобы никто не услышал. Но парни не обращают на нас внимания. Все заняты игрой.

– Ты про Хейдена?

Крошечная улыбка появляется на лице Майка.

– Ага. Мы учились в одной школе, он на год младше. Когда меня задрафтовали «Росомахи», Хейден еще год играл в школьной команде.

У меня невольно округляются глаза. Парень, с которым я познакомился на вечеринке, совсем не похож на того, кто увлекается хоккеем. Не то чтобы у хоккеистов какой-то особый вайб, но Хейден был похож скорее на чувака, который увлекается гольфом или владеет гольф-клубом.

Неприятное сосание под ложечкой возвращается. Как тогда, когда увидел видео с ним и Маккензи. Теперь я почти уверен, что именно этот парень автор всех сообщений, присланных мне. У них с Маккензи что-то не вышло, он играл или до сих пор играет в хоккей. Легенда Дастин Коффи –

дядя Маккензи. Она не подпускала меня и совершенно очевидно давала понять, что хоккеисты ее использовали. И мне не нравится, как Майк использовал слово «наслышан» по отношению к Маккензи.

– Майк, ты случайно никому из своих старых друзей не давал мой номер?

– О чем ты? – Он делает вид, что размышляет, но, черт бы его побрал, этот чел не умеет врать. У него на лице все написано.

– Послушай, – произношу сквозь зубы, стараясь взять себя в руки. – Мне плевать, что он там тебе рассказывал, но какого черта ты раздаешь мой номер?

Майк отмахивается.

– Хейз, я был в стельку. Не помню вообще.

Доказывать ему что-то бесполезно. Отпихнув его плечом, я выхожу из номера.

Глава 5

Маккензи

В субботу от Сэма поступает неожиданное предложение, от которого я едва не роняю поднос, когда читаю сообщение. Он предлагает мне перебраться к нему во Флориду и подумать насчет колледжа.

Нужно было это сделать сразу после суда. Переехать, и, возможно, сейчас я бы не дергалась каждый раз, когда звенит колокольчик на входной двери в пиццерию. Все могло бы быть по-другому.

Но тогда я бы не встретила Ноэля. И я настолько себе не доверяю, что не могу быть уверенной, что справилась бы, находясь в другой стране. Сэм бывает дома редко, и он не обязан со мной нянчиться. В своем нестабильном состоянии я бы могла снова натворить глупости. Только рядом уже не было бы дяди или даже Хейдена, чтобы вытащить меня из очередной передраги.

Так что... Наверное, сейчас лучшее время.

Было бы. Если бы не Ноэль.

Не могу уехать, я хочу быть с ним, хотя безумно страшно представить, что со мной будет, если ничего не получится.

И мои бывшие друзья пытаются испортить мне жизнь только лишь потому, что могут. Мне казалось, что я потеряла для них интерес. Но как же ошибалась.

Прошлым вечером Ноэль наконец-то вернулся с выездных игр. Сегодня он пропустил занятия в колледже и выспался весь день. Я не представляю, как он держится. Все они. Колледж, тренировка, игра – и так по кругу. Можно сойти с ума. Вся жизнь крутится только вокруг одного места – ледовой арены.

Я наблюдаю за этим всю свою жизнь, но до сих пор не смогла понять такую страсть. Мне это незнакомо. Быть настолько увлеченным чем-то одним. Мое внимание всегда было расфокусировано, но и к чему меня это привело?

Ноэль выскакивает на лестничную площадку босиком и в одних трениках. Его волосы растрепаны, на лице широкая улыбка. Как же я по нему скучала, боже. Он подхватывает меня на руки и заносит в квартиру. Прижав к стене, Ноэль набрасывается на мои губы. Я едва успеваю вдохнуть. От него пахнет хвоей, и я забываю обо всем на свете. Даже о том, что его сестра и ее парень могут прямо сейчас наблюдать эту сцену.

Когда Ноэль отпускает меня, я наконец-то дышу.

– Спасибо за воздух, – тяжело дыша, говорю я.

Ноэль улыбается.

– Всегда пожалуйста. Раздевайся.

Он помогает мне снять верхнюю одежду, а я смотрю на

пустую гостиную и кухню.

– Ты один?

Ноэль качает головой.

– Эйв и Энтони у себя. Нам нужно быть сегодня чуточку тише.

Я игриво щипаю его за мускулистый зад.

– Чуточку?

Он притягивает меня к себе за ремень.

– Мы должны хотя бы попытаться. Ты голодная?

– Смотря что ты имеешь в виду.

Он снова смеется, а я наслаждаюсь его настроением. Он как бомба. Бомба хорошего настроения и тепла, которым он делится со всеми, кто его окружает.

– Я должна как следует поздравить тебя с прошедшим днем рождения, – говорю я.

Лицо Ноэля озаряется от предвкушения.

– У тебя на это вся ночь.

Как только дверь спальни за нами закрывается, мы снова набрасываемся друг на друга. За короткое время, что мы вместе, я смогла изучить его. Он может быть сумасшедшим и одновременно ласковым. Это сочетание сводит с ума, и мне всегда хочется большего. Это переходит в зависимость. Ну почему я не могу иначе? Почему это должно быть так... взрывоопасно?

Я лежу, вытянув руки, Ноэль склоняется надо мной, изучая мое лицо. Он плавно водит ладонью по оголившемуся

животу. Он играет и наслаждается моей нетерпеливостью. Не выдержав пытки, я поднимаюсь и переворачиваю его на спину. Ноэль снова смеется и легко подчиняется. Теперь я могу его дразнить. Наблюдать, как его улыбка сменяется на вожделение, как глаза затуманиваются. Он так красив.

Не знаю, слышат ли нас Энтони и Эйвери, но я пытаюсь сдерживаться. С ним это практически невозможно. Пусть сейчас мои мысли не рациональны, но я могу сказать со всей ответственностью, что такого со мной еще не случилось. Этот парень полностью закрепился в моих мыслях и уже погружается в разум. Я не в силах это остановить.

Когда на мне не остается ни клочка одежды, я подчиняюсь ему. Ноэль давно готов, и пока мы целуемся, его рука судорожно шарит по тумбочке в поисках защиты.

Мне едва удастся сдержать стон, когда он оказывается внутри меня. Сложно молча наслаждаться его телом, его прикосновениями и толчками.

– Черт, – ворчит Ноэль, когда в очередной раз его телефон издает сигнал.

Он тянется через меня к прикроватной тумбочке и выключает звук.

– Надеюсь, это не твоя сестра из соседней комнаты, – говорю я. – Тебе пришлось не меньше десяти сообщений.

Ноэль целует меня в макушку, прижимая к себе теснее. Мы лежим абсолютно голые. В комнате очень душно, и я почти уверена, что окна запотели.

– Не волнуйся за моих соседей, им есть чем заняться.

Я упираюсь подбородком ему в грудь.

– Ты был невероятным.

Он удивленно вскидывает брови.

– Как всегда. Привыкай. Даже если я вымотан, в кровати я буду великолепен.

Я пихаю его ладонью в грудь.

– Я не об этом.

– Нет?

– Нет, извращенец. Я про игры.

Почти в каждой выездной игре по заброшенной шайбе или голевой передаче. А чаще всего и то и другое за один матч.

Глаза Ноэля загораются совсем другим огнем.

– Ты смотрела все игры?

Я киваю.

– Почти.

Одну я пропустила, когда был ужасный ужин с мамой.

Теперь Ноэль не улыбается. Он приподнимается на локтях и смотрит мне в глаза.

– Для меня это важно.

– Я знаю.

Он нежно целует меня в губы вместо пустого «спасибо». Наружу рвутся множество слов, но я понимаю, что таким напором могу его оттолкнуть. Я начинаю слишком глубоко погружаться в наши отношения, потому что по-другому не

умею. Поэтому приходится держать себя в руках изо всех сил, чтобы не потерять его.

После душа я переписываюсь с Сэмом. Ноэль бросает мне свою футболку и уходит в душ. Я бы очень хотела пойти с ним, но все еще пытаюсь сохранить дистанцию. Телефон Ноэля продолжает вибрировать, привлекая мое внимание. От досады начинаю грызть ноготь. Я хочу посмотреть. Это же просто телефон.

У него даже нет пароля. Я быстро открываю сообщения и буквально перестаю дышать. Серьезно, Хейден? Это твоя месть? Честно сказать, я думала, он способен на большее.

Листая сообщения, я пытаюсь сориентироваться по времени. Что-то не сходится. Такое ощущение, что Ноэль какие-то сообщения удалял, и, судя по всему, Хейден присылал ему видео.

Я понимаю, что это только начало. Не может быть, чтобы Хейден удовлетворился только этим.

Слишком поглощенная сообщениями, не сразу замечаю в дверях Ноэля. Когда мы встречаемся глазами, я не вижу на его лице злости или разочарования. Он выглядит как обычно: спокойным и собранным.

– Наверное, нужно было обсудить тему личного пространства, – произносит он, бросая полотенце на стул.

Стыд – одно из самых отвратительных чувств. Это ужасно. Я нахожусь под прицелом его серьезных глаз, и у меня даже нет аргументов, чтобы оправдаться. Да и желания это

делать тоже нет.

– Прости, – выдавливаю я и кладу телефон на место, избегая его взгляда.

Ноэль садится рядом. Мне остается лишь смотреть на его грудь, на которую падают капли с его влажных волос.

– Я ничего от тебя не скрываю.

От этих слов чувство стыда и неловкости только усиливается. С другими парнями такого не было. Я искренне считала, что могла делать все, что мне хотелось, в отношении того, кто был со мной. Кого считала своим.

Но сейчас все по-другому. Я действительно могу его потерять, и на этот раз мне не будет все равно.

Не хочется чувствовать то, что я чувствую сейчас. Поэтому единственным вариантом остается нападение.

– Так ты специально оставил телефон без пароля?

Ноэль вздыхает.

– Мне даже в голову такое не приходило.

И это действительно так. То, в чем я его обвиняю, совершенно не вяжется с его образом. Я лишь глубже себя закапываю.

– Наверное, мне лучше уйти.

Спрыгнув с кровати, я хватаю свою толстовку. Ноэль наблюдает за тем, как я одеваюсь. Мы встречаемся взглядами.

– Ты правда сейчас убежишь, вместо того чтобы просто поговорить? – интересуется он.

Это очень простой вопрос, но я буквально впадаю в сту-

пор и не знаю, что ответить. Ведь делаю ровно то, что делаю всегда, когда не хочу в чем-то разбираться.

– Не знаю, что сказать, Ноэль, – сдаюсь я и роняю руки вдоль тела.

Он встает с кровати и вплотную подходит ко мне. Пальцем Ноэль приподнимает мою голову за подбородок. Мне приходится задрать ее слишком высоко, чтобы смотреть на его лицо.

– Мы ведь не поругались. Можно все обсудить.

– Наверное.

– Ты хочешь что-то спросить?

Кивнув, я делаю глубокий вдох.

– Почему ты не сказал мне, что он тебе пишет?

Ноэль отвечает не сразу. Но он понимает, о чем я.

– Потому что не считал это нужным.

– Ты видел его?

Ноэль сжимает челюсть. Ему неприятно, и сложно его в этом винить.

– На вечеринке. Но тогда я не знал, кто он такой.

Эта проклятая вечеринка.

– Что он сделал в тот вечер? – Ноэль наклоняется так, чтобы прислониться своим лбом к моему. – Почему ты ушла?

Мне хочется сказать правду. Но я не стану. Хочу, чтобы это все поскорее закончилось. Нужно сделать так, чтобы Ноэль держался от всего этого дерьма подальше.

– Ничего, – вздохнув, отвечаю я. – Мне не хотелось видеть

Хейдена.

– Послушай. – Ноэль проводит большим пальцем по моей нижней губе. – Я не говорил тебе о сообщениях, потому что мне все равно, понимаешь? Все равно на твое прошлое с этим парнем. Ни я, ни кто-либо другой не вправе тебя осуждать. Я просто хочу быть уверенным, что сейчас ты в порядке. Что он не портит тебе жизнь.

Не втягивать его. Не втягивать. Хейден может портить жизнь Ноэлю, а не мне.

– Все хорошо. – Я уверенно смотрю в карие глаза. Врать я умею. – Мы можем просто игнорировать.

Полные губы Ноэля трогает улыбка.

– Кажется, я на тебя хорошо влияю.

Но я не улыбаюсь. Лишь крепче прижимаюсь, обхватив его талию руками.

– Ты не представляешь, насколько.

Ноэль заметно расслабляется. Отпустив меня, он снимает с меня толстовку и усаживает к себе на колени как ребенка.

Мы сидим в такой позе несколько комфортных секунд. За дверью начинает тихо играть музыка.

– Все парни, с которыми я встречалась, хотели от меня что-то, – внезапно признаюсь я. – И как правило, они все играли в хоккей.

Ноэль серьезно смотрит на меня.

– Я догадался.

Я усмехаюсь.

– Спорт – это, прежде всего, бизнес, но никто из них не мог хоть ненадолго включить мозг и понять, что я не имею к этому никакого отношения. Что я не могу любого, кто хоть более-менее стоит на коньках, привести к дяде, и он взмахнет волшебной палочкой, и вуаля – ты звезда НХЛ.

– С кем ты встречалась? – озадаченно спрашивает Ноэль.
Закатив глаза, я вздыхаю.

– Не спрашивай.

Он улыбается.

– Не буду. К тому же, я тоже не отличился.

Немного подумав, я качаю головой.

– Ты просил для команды. Не для себя.

– О, да ты влюбилась.

Ноэль шутит, но я даже не улыбаюсь.

– Я верю тебе.

Теперь он тоже не улыбается.

– И я это ценю и буду стараться тебя не подвести. Только... не убегай. Ты всегда можешь со мной поговорить.

Кивнув, я тянусь к его губам.

Глава 6

Ноэль

Под монотонный голос профессора я начинаю засыпать. Не помню, сколько уже длится лекция, и я едва нахожу в себе силы продержаться до конца. Тот факт, что в дни, когда у меня нет выездных игр, я должен присутствовать на занятиях, не беря в расчет тренировки и домашние игры, иногда взрывает мозг. Но я понимаю, что мне не стать профессиональным спортсменом без образования, как бы хорошо я ни играл. Это система, с которой невозможно бороться.

Аудитория заполнена на четверть, и я нашел себе место между самым низом и самым верхом, чтобы можно было спокойно поспать за чьей-то спиной. Так я и делал до того момента, пока не почувствовал рядом сильный запах женских духов.

Повернув голову влево, я смотрю на девушку, которая, по всей видимости, только что подсела рядом. Она не смотрит на меня, но улыбается, очевидно замечая мой взгляд. Она кажется смутно знакомой. Я где-то видел эти прямые светлые волосы, достигающие практически до талии, пухлые розовые губы, малиновый галстук, который она накручивает на

палец, темно-зеленый пиджак... Так, стоп. Почему на ней школьная форма?

– Ты меня не узнал? – Она поворачивает голову и улыбается.

– Узнал, – после секундного колебания отвечаю я. – Как ты сюда попала? Разве ты не должна быть в школе?

Блонди едва заметно прикусывает нижнюю губу. Она явно не намерена отвечать на мои вопросы. Я вообще плохо помню окончание вечера на этой паршивой вечеринке, но эта школьница тогда ко мне будто приклеилась.

– Может, найдем место менее оживленное? – вместо ответа спрашивает она.

Такое бы мне понравилось, если бы я сам учился в школе. Ну, или я о себе слишком высокого мнения на данный момент.

Усмехнувшись, я качаю головой и перевожу взгляд на профессора, которому вообще плевать, кто входит и выходит из аудитории.

– Я думаю, тебе пора на уроки.

Она тихо смеется и полностью поворачивается ко мне. Инстинктивно я перевожу взгляд на нее, чем девушка пользуется. Она намеренно задевает мое бедро голой коленкой.

– Боюсь спросить, сколько тебе лет, – держа себя в руках, я снова смотрю прямо перед собой. – Неужели ты в школе не изучала, что в минус двадцать пять ходить с голыми ногами не стоит? Это опасно для здоровья. Тебе, правда, пора уже

на уроки, если ты не знаешь таких вещей.

Она фыркает и вздыхает. Ей не очень нравится мое ханжеское поведение. Но с ней только так. Понятия не имею, как она сюда попала и нашла меня. Это выглядит странно и пахивает сталкингом. Мне это не нравится.

– Не волнуйся за меня, – отвечает она. – Я знаю, как спастись от этой зимы. Ну так что? Мой водитель у входа.

Против воли в моей голове пробегает сравнение с Маккензи, которая тоже из богатой семьи. И если Маккензи ведет себя естественно, то эта девушка выставляет напоказ свои деньги. Моя семья не богата, но и не бедна. Возможно, в детстве я хотел иметь чуть больше, чем могли позволить мои родители, но это не привело меня к мысли о вечной гонке за деньгами. И я не выделял, что кто-то богаче или беднее меня. Никогда не задумывался об этом до встречи с Маккензи. И это не ее вина, мне просто казалось, что ей нужно больше. Но оказалось, что нет.

– Возможно, я чего-то не помню, – тихо отвечаю я, глядя перед собой. – Но я точно не давал тебе повода преследовать меня.

После этих слов я смотрю на нее. Она сжимает губы и пытается сдержаться. Я люблю развлекаться, люблю вечеринки. Я люблю девушек и секс с ними. Это нормально. В школе я мог себе позволить больше, потому что у меня было времени и никогда не влюблялся. Но сейчас я слишком занят и... влюблен? Одно знаю точно: я не предатель.

– Ты делаешь неправильный выбор, – находится с ответом девушка, вздернув носик.

На самом деле она выглядит забавно. Думаю, ей полезно иногда получать отказы. Наверное, она не знает, что это такое.

– Удачи в школе, – подмигнув, я снова поворачиваюсь к профессору, всем видом давая понять, что не заинтересован.

Быстрый взмах волос, недовольный вздох, и девчонка рядом со мной исчезает. Я уже начинаю расслабляться, как внезапно, прямо передо мной появляется вытянутая рука с телефоном, а позади все тот же запах духов.

– Улыбочку, – произносит блонди и фотографирует нас вместе.

– Эй, – почти вскрикиваю я и оборачиваюсь.

Она поднимается по ступенькам спиной к выходу и улыбается.

Наконец, профессор замечает посторонний шум и реагирует. Но я не слышу, что он говорит. В голове шум. Мне абсолютно не нравится эта ситуация. Какого черта? Что вообще сейчас произошло? Я еще не играю в НХЛ, чтобы иметь безумных фанатов. Это хоть как-то объясняло бы ситуацию.

* * *

Неприятное ощущение после неожиданного появления девушки преследует меня до самой вечерней тренировки.

Когда я выхожу на лед и вижу Майка, пазл складывается сам собой.

– Чувак, это уже не смешно, – говорю я, подкатываясь к нему.

Майк поправляет шлем и озадаченно смотрит на меня.

– Ты о чем, Хейз?

– Не прикидывайся дураком, – не сдерживаюсь я. – Я бы еще мог поверить, что ты раздаешь мой номер телефона по пьяни, не помня об этом, но адрес колледжа... Адрес, где я живу, и адрес моих родителей тоже случайно сболтнул?

Надеюсь, в последнем я ошибаюсь. Но, посмотрев на него, я быстро убеждаюсь, что от него можно этого ожидать.

Майк не ухмыляется, как обычно. Он серьезно смотрит на меня, затем буквально отпихивает.

– Не строй из себя звезду. Если тебя кто-то преследует, это не моя проблема.

А ведь он даже не уточнил, о чем именно я спрашиваю.

– Ты много на себя берешь, Стивенсон.

Майк ухмыляется.

– Я? Это ты думаешь, что чертова звезда в этой команде. Ходишь с задранной головой после каждого матча, а теперь жалуешься, что девки преследуют тебя.

Я не вижу смысла оправдываться. Возможно, в его словах есть какая-то доля правды, но мне есть чем гордиться. Я правда горжусь своей игрой, но вот действительно ли я так явно это демонстрирую?

Майк прокололся и понял это сразу, как только закончил свою тираду. Я ведь ни слова ему не сказал о преследовании и девчонке.

– Мне плевать, что ты обо мне думаешь, Стивенсон. – Я подкатываюсь к нему вплотную и говорю тише, чтобы в наш конфликт никто не вникал. – Но не стоит переходить черту. Никому не давай мой номер телефона и тем более адреса. Это даже для тебя низко.

Ноздри Майка раздуваются. Я собираюсь откатиться, но в этот момент он толкает меня так, что я едва удерживаюсь на коньках.

– Деревенщина, – выплевывает Майк.

В этот раз я не сдерживаюсь. Зависть этого козла завела его слишком далеко.

Я в секунду подкатываюсь к нему и, сделав подсечку коньком, укладываю Майка на спину. Из его рта летят ругательства, когда он пытается встать. Остальные ребята уже подкатываются к нам.

– Эй, парни, вы чего? – задает вопрос кэп.

Но Майк уже поднимается на ноги и налетает на меня. Он мощнее, ведь именно его масса на льду – преимущество. Но он не всегда хорошо им пользуется. Как и в этот раз. Мне удастся увернуться и толкнуть его в плечо, но уже через секунду мне в лицо летит кулак. Чертов Стивенсон, мне не хотелось применять кулаки.

Я успеваю схватить его за руку. Если он ударит в большую

щеку, шов разоидется, и я залью лед кровью.

Парни пытаются нас разнять, и в этот момент раздается оглушительный звон свистка.

– Хейз! Стивенсон! Какого черта вы творите?! – орет тренер.

Мы сразу успокаиваемся. Майк, словно бык после пробежки, сплевывает на лед. Я все еще занимаю оборонительную позицию и слежу за ним.

– Кто мне ответит?

Наконец, Майк отводит от меня взгляд и опускает руки.

– Это недоразумение, тренер, – говорит он, снова сверля меня взглядом, полным ненависти.

– Все в порядке, тренер, – подтверждаю я. – Больше этого не повторится.

Тренер подъезжает к нам и вываливает на лед шайбы из сетки.

– Из-за вас двоих тренировка продлится на полчаса дольше. Я не потерплю петушинные бои в команде.

Все парни дружно издают стон.

– Спасибо, придурки, – бурчит Де Смит, прокатываясь мимо.

Джерри вопросительно смотрит на меня, но я лишь качаю головой и перевожу взгляд на Майка. Тот все еще тяжело дышит. Заметив мой пристальный взгляд, он молча откатывается назад.

Я пытаюсь привести мысли в порядок и настроиться на

тренировку. Это самое главное, никто и ничто не собьет меня с пути к моей цели.

Глава 7

Маккензи

До этого дня мне не приходилось бывать в тюрьме. Только в полицейском участке. Тюрьмой меня только пугали, но я никогда не воспринимала эти угрозы всерьез.

Сейчас я сижу в небольшом помещении с решетками на окнах, за круглым железным столом, вокруг меня еще несколько таких же ожидающих за другими столами. В комнате много охранников. Я поднимаю на них глаза и периодически бросаю взгляды на входную дверь, в которую вошла несколько минут назад.

Процедура была довольно быстрой. Дядя Дастин подал запрос, получил ответ, и вот я здесь, а он ждет меня в машине снаружи. Я должна поговорить с отцом, и я до ужаса боюсь нашей встречи.

Я предала его. Моя дурацкая выходка стоила ему свободы. Вся моя жизнь – дурацкая выходка, но вокруг поломанные судьбы, и моя в том числе.

Когда его заводит охранник, я перестаю дышать. Папа не изменился. То же широкое и чисто выбритое лицо, светлые волосы и пронзительно синие глаза, которые загораются, ко-

гда он видит меня.

Я поднимаюсь с неудобного железного стула и, не сдержавшись, падаю ему на грудь, как только он оказывается рядом. Охранник что-то говорит, но я не разбираю слов. Все мое тело расслаблено, и я буквально тону в своих эмоциях.

– Я так рад тебя видеть, тыковка.

Папа улыбается, когда я отстраняюсь. Он проводит пальцем по моей щеке, и на секунду я забываю, где нахожусь. Но стоящий неподалеку охранник быстро приводит меня в чувство.

Мы садимся за стол друг напротив друга. Папа все так же смотрит на меня своими сияющими глазами. Я не навещала его, когда это было не так сложно. Во время следствия он находился в провинциальной тюрьме, но после суда его перевели в федеральную.

Несколько секунд мы смотрим друг на друга. Они очень похожи с дядей Дастином, учитывая, что общая у них только мать. Но у моего отца волосы светлее и ростом он выше. Дядя сложен, как спортсмен, а мой отец более грациозен.

– Прости меня. – Я слышу свой голос прежде, чем успеваю подумать.

Но папа качает головой и обхватывает мою ладонь обеими руками.

– Нет, нет. Ты пришла сюда не за этим.

Я глотаю истерический всхлип.

– Как раз за этим.

Папа вздыхает.

– Я этого боялся. Ты не должна винить себя в том, в чем виноват я сам.

– Но...

– Послушай. Я бы все равно здесь оказался.

– Нет, если бы я была умнее.

– Маккензи, это не так. Тебя обманули, ты знаешь это.

Вспоминая весь ужас, я всегда опускала этот момент. На моих чувствах и эмоциях, какими бы тогда они ни были, сыграли. Полицейские пошли нечестным путем, чтобы прижать отца.

– Если бы ты и твой адвокат делали на это упор больше, – отвечаю я, – то ты мог не получить реальный срок.

Отец кивает.

– Мой адвокат это использовал. Но ты была уже совершеннолетней, поэтому...

– Папа, не убеждай меня в этом. Я знаю, что ты пошел на сделку. Ты признал вину, но твоим условием было, что я не буду участвовать в деле.

Я должна была быть свидетелем. Но в итоге, я вообще ни в чем не участвовала. Никакого давления и добытых документов не совсем честным путем. Для суда все выглядело предельно просто: отец признался в уклонении уплаты налогов и сам предоставил доказательства.

– Ты не ненавидишь меня?

Отец качает головой, нахмутив брови.

– Как такое возможно? Я не способен на это. Ты моя дочь.

Мое сердце бьется о грудную клетку. Я так давно ждала этих слов. Жить с чувством вины невыносимо, но мне все равно кажется, что я не заслуживаю прощения.

Теперь мне легче говорить и отвечать на вопросы. У нас мало времени, но я быстро рассказываю про пиццерию, новых друзей, но про Ноэля пока молчу. Не думаю, что папа поверит в то, что он другой, зная Хейдена и мою прошлую увлеченность им.

О маме я говорю первая.

– Она спустила свое наследство?

Отец кивает.

– Судя по всему.

– Дерьмо, – невольно вырывается у меня.

– Она плохо справляется, – отвечает отец, опустив глаза.

– Это не оправдание.

– Мне бы хотелось, чтобы вы держались вместе.

Я не могу удержаться от саркастичного смешка. Он же это не серьезно?

– Она меня ненавидит, – и прежде чем он попытается возразить, я продолжаю, – все это знают. Дядя Дастин, Аманда. Они это видели. Возможно, это и не ненависть, но разочарование точно.

Отец молчит. Но все-таки не спорит, потому что я больше во лжи не нуждаюсь.

– У твоей мамы свое представление о жизни. Я не всегда

с ней это разделял. Мне жаль, что ты не получила родителей, которых заслуживаешь, Маккензи. Но помни, что я тебя люблю, и я здесь не навсегда. Однажды я буду рядом, но сейчас будь сильной, тыковка.

Сжав его руку холодными пальцами, я киваю.

– Буду.

– Это я должен просить прощения за то, что сделал недостаточно. Я уже не смогу всего исправить, но ты не должна терзать себя. Это неправильно, дети не должны испытывать вину за поступки своих родителей. Понимаешь, Маккензи?

Понимаю, поэтому киваю. Наконец-то я хоть что-то понимаю, и мне становится намного легче от этого осознания.

– Держись подальше от Хейдена, – внезапно говорит отец. – Конечно, мы не показатель образцовой семьи, но их семейка еще безумнее.

Мне ли этого не знать.

– Все это в прошлом, – уверенно заявляю я.

Отец кивает.

– Хорошо. Ты знаешь, я часто звоню Дастину. Твой дядя навещает меня, и я знаю, что тебе сейчас непросто. Ты не думала о Флориде?

Я невольно хмурюсь.

– Так это твоя идея?

Отец качает головой.

– Конечно нет. Сэм предложил это.

Мне не особо нравится эта тема и идея в целом.

– Мне не от чего бежать.

– Конечно, – кивает отец, – но тебе нужна смена обстановки. Просто подумай.

Я смотрю на него удивленными глазами.

– Смена обстановки? Но теперь я хочу навещать тебя.

– И ты будешь...

– Летать из Штатов сюда? Это не близко.

– Маккензи...

– Дяде Дастину нужно, чтобы я уехала?

Такая мысль не приходила мне в голову. Возможно, он действительно устал заботиться обо мне.

– Боже, нет, – словно читая мои мысли, быстро говорит отец. – Даже не допускай мысли об этом. Мы просто за тебя волнуемся, вот и все.

– Я в порядке, – грубее, чем хотелось бы, отвечаю я. – Больше со мной возиться не придется. Все хорошо.

Несколько секунд он смотрит в мои глаза, и я выдерживаю его испытующий взгляд.

– Хорошо. Ты изменилась, тыковка.

Я пожимаю плечами.

– Быть может, самую малость.

– Нет, – не соглашается он. – Ты намного сильнее, чем я думал.

Это были еще одни важные слова, которые мне хотелось от него услышать.

– Спасибо.

Глава 8

Ноэль

Чейз будет ходить. Его конечности не парализованы, так как спиной мозг не задет.

Это самое лучшее, что я слышал за последний год. На полное восстановление потребуется время, длительная реабилитация и психологическая поддержка, в которой он сейчас нуждается, потому что играть больше не сможет.

Его родители прилетели из Штатов на следующий день, и все новости мы узнавали от них через тренера. Наконец-то, после операции и восстановления, нам разрешили его навещать.

Чейз лежит на больничной кровати в специальном воротнике и смеется над тем, как Де Смит изображает робота. Наверное, в такой ситуации смех важен. Я всегда им спасаюсь. Периодически я ловлю на себе настороженный взгляд Майка, но игнорирую это. Мы так и не поговорили о нашей потасовке несколько дней назад. Но на льду друг к другу у нас претензий нет. Хоть в этом тренер может быть спокоен.

– Последняя игра была тухлой, – рассуждает Грег Буковски, сидя рядом с Чейзом. – Де Смит спал в рамке и проспал

две шайбы. Мы могли сделать матч сухим.

– Заткнись, – наш второй голкипер пихает Грега в плечо. – А кто сидел на скамейке штрафников два раза? Язык за зубами научись держать.

Чейз закатывает глаза.

– Чел, тренер скоро наденет на тебя намордник.

Грег отмахивается.

– Это всего лишь слова, я никого не бью.

Но Де Смит продолжает с ним спорить.

– Да лучше бей.

Буковски морщится.

– Ты достал. Хоули, возвращайся скорее в рамку. Этот придурок там спит.

После этих слов в палате повисает тишина. Она режет уши.

Грег понимает, что сказал, когда все глаза устремляются на него.

– Черт, прости... Хоули, я забыл...

По лицу Чейза сложно что-то прочесть, но ему не нравится возникшая неловкость. Из-за невозможности принять положение, как ему хочется, он вынужден смотреть на всех нас.

– Давайте без этого, парни, – наконец говорит он. – Эта тема не запретна. Я знаю, что больше не выйду на лед, но я не хочу видеть ваши сочувствующие взгляды.

После этих слов все более-менее оживают. Джерри треплет Чейза за плечо и поворачивается ко мне. Я сижу на стуле

рядом и пытаюсь собраться с мыслями. Заметив взгляд кэпа, быстро киваю.

Джерри хлопает в ладони.

– Так, парни, двинули. Иначе нас выставит медсестра. Вы как стадо школьников.

В словах капитана есть доля правды. Пока все прощаются с Чейзом, стоит невообразимый гвалт, и я уже начинаю волноваться, что сейчас нас всех действительно выгонят и больше не впустят.

Когда мы в палате остаемся одни, а за дверями все еще стоит шум, Чейз издает тихий стон.

– Твою мать, как все чешется.

Я оказываюсь рядом с ним, пододвинув стул.

– Что мне сделать?

Он смотрит на меня и усмехается.

– Укради меня отсюда.

Я тоже улыбаюсь и помогаю ему удобнее устроиться на подушках.

– В другой раз, принцесса.

Он смеется вместе с шипением, выскользнувшим сквозь зубы от неудачной попытки повернуться.

– Тебе тоже досталось. – Чейз пальцем указывает на уже затянувшуюся рану на моей щеке.

Я недовольно фыркаю, вытянув ноги перед собой.

– Ты же это не всерьез.

Чейз ничего не отвечает. Он молчит несколько секунд.

– Я долго не мог решить, что люблю больше, – наконец произносит он. – Хоккей или музыку. Теперь этот выбор сделан за меня.

Это могло бы прозвучать слишком пессимистично, если бы это говорил не Чейз. У него все еще есть то, что он любит больше всего. Будь на его месте я, то меня бы это сломало. Единственное, чем я хочу заниматься – это играть в хоккей. В моей жизни ничего больше нет. И если бы я лишился такой возможности, то был бы пуст.

Но не Чейз. Даже если бы в его жизни не было музыки, он бы тоже не сломался. Он намного сильнее меня.

Не найдя слов, я просто пожимаю другу руку.

Он несколько секунд молчит, затем снова улыбается, разгоняя гнетущую атмосферу вокруг нас.

– Как у вас с Маккензи?

У меня вырывается смешок. Я чувствую себя школьником, у которого впервые появилась девушка.

– Идеально, – широко улыбаясь, отвечаю я.

Маккензи почти каждую ночь остается у меня. Последние пару дней мы не виделись, потому что у нее были дела, но мы всегда на связи. Единственное, что меня беспокоит, это то, что она приезжает намеренно поздно, когда Эйвери и Энтони спят. Она избегает общения с ними. Но, кажется, я нашел причину. Дело не в них, а в ней самой. Мне сложно объяснить это Эйв, которой тоже не нравится эта ситуация.

– Все было понятно с самого начала, – рассуждает Чейз.

Я пожимаю плечами.

– Точно не мне. С ней бывает сложно.

– Еще бы, – посмеивается Чейз.

Мы болтаем еще несколько минут, пока не приходит его мама. Она тоже не избегает темы хоккея, смело спрашивая меня о нашей последней игре. На самом деле это радует. Чейз действительно сильный человек, если смог так быстро принять ситуацию и уже строить планы на будущее.

Глава 9

Маккензи

На самом деле я ждала его. Поэтому даже не удивилась, когда увидела Хейдена, сидящего у окна за последним столиком. Остался последний рабочий час, после которого мы должны увидеться с Ноэлем. Хорошо, что я уговорила его не приезжать за мной, а встретиться на месте.

Хейден похож на моего отца. Но только внешне. Тот же высокий рост, худощавое телосложение, светло-русые волосы и синие глаза. Но в глазах моего отца нет пустой злобы, как в глазах Хейдена. Тут дело даже не во мне. Он всегда был таким.

Я спокойно сажусь за стол напротив и всматриваюсь в его образ. Пытаюсь понять, что так сильно меня привлекало. Внешность? Да, но не только.

Хейден вздыхает, словно пришел сюда не по своей воле. На нем черное элегантное пальто, которое он расстегнул. Внезапно в его длинных и изящных пальцах появляется телефон. Я сразу узнаю его. Когда-то он принадлежал мне.

Но и это для меня не неожиданность.

– Что ты хочешь?

Он смотрит на меня, размышляя.

– Ты всегда была особенной. И красивой.

Мне стоило бы обратить на это внимание еще в то время, когда мы были вместе. Но, по всей видимости, я была действительно другой. Я была слепа и не замечала его безумных взглядов и слов. Тогда они вызывали восторг, сейчас они пугают.

– Ты пришел шантажировать меня?

Внешне он слишком спокоен, и я знаю его достаточно хорошо, чтобы понимать, к чему это может привести.

– Возможно. Что ты сделаешь в ответ? Посадишь меня в тюрьму?

Эти слова ранят. Несмотря на свой недавний разговор с отцом и облегчение после него, я все еще чувствую тяжесть вины.

Я борюсь с желанием перевернуть этот чертов стол и убежать. Хейден видит мою борьбу и издевательски улыбается.

– Ну же, Маккензи. Где твоя дерзость? Ты действительно решила измениться ради этого парня? – Он с очередным театральным вздохом откидывается на спинку. – Это так глупо. Меняться ради кого-то. Наверное, сложно все время притворяться. Он того стоит?

Набрав побольше воздуха, я беру себя в руки.

– Да, он того стоит. Но я это делаю не ради него.

Хейден усмехается.

– Звучит противоречиво.

– Не противоречивее того, что делаешь ты, – парирую я.
Он выгибает бровь.

– Ты про мои сообщения твоему парню? Или про Аланис, устроившую тебе здесь концерт?

Я пожимаю плечами.

– Неужели ты думаешь, что это все меня пугает?

Он продолжает вертеть в руках мой телефон.

– Это было начало.

– Что тебе нужно? – снова спрашиваю я.

Хейден пристально всматривается в мое лицо.

– Возмездие.

С моих губ невольно срывается смешок, и Хейдена это заметно задевает.

– Это смешно?

Я киваю.

– За все, что я когда-либо сделала, мне пришлось заплатить самой. У тебя нет причин мне мстить. Я исчезла из твоей жизни, меня больше там нет. Ты свободен. Не этого ли ты хотел?

– Нет причин, – тихо повторяет Хейден. Затем его глаза наливаются злобой. – Я всегда прикрывал твою задницу, Маккензи. Всегда. Ты разбила свою первую машину, и я сказал твоему отцу, что это я сел пьяным за руль. Когда ты разнесла в кабинете директора его коллекцию бабочек, это я заплатил ребятам, чтобы они подтвердили твое алиби. Твои игры и споры доводили меня до безумия. Но когда ты разби-

ла свою вторую машину, я не выдержал и все рассказал твоему отцу. И тогда он решил, что больше не будет прикрывать тебя. У тебя забрали права, чтобы ты однажды не убила себя или кого-нибудь. Я о тебе заботился и делал все эти безумные вещи ради тебя! Я любил тебя!

Сжав пальцы в кулак, я оглядываюсь по сторонам, прежде, чем ответить.

– Мне нечем гордиться, но я не могу изменить прошлое.

– Не можешь, – со злобой повторяет Хейден.

– Раз мы начали обмениваться претензиями, – продолжаю я. – Ты хотел, чтобы я просто поговорила с дядей, и тебя взяли в клуб. Ты хотел играть в «Росомахах», просто прийдя туда. Мой дядя не волшебник, он владеет клубом «Ойлерз». Никакого отношения к юниорской лиге он не имеет. Это не так работает, это бизнес. Тебе ли этого не знать!

Хейден опускает глаза на стол, продолжая крутить мой старый телефон, и это начинает действовать на нервы.

– Я просто хотел, чтобы ты в меня поверила. Но что ты тогда сказала? Что я посредственный игрок.

Кивнув, я с трудом подбираю слова.

– Мне не хотелось тебе врать. Ты все равно не можешь играть.

Хейден со всей силы хлопает ладонью по столу, но, оглядевшись по сторонам, говорит намного тише:

– Не тебе решать, что я могу, а что нет.

Я не знаю и не понимаю, откуда в нем такая решимость.

Возможно, на самом деле он не так хотел играть, сколько быть уверенным, что где-то будет победителем. Но правда другая, и когда я ее озвучила, он не мог с ней смириться.

– Все, что ты делал для меня, – отвечаю я, – ты делал для себя. Ты использовал меня, словно я золотой билет.

Он молчит, несколько секунд всматриваясь в мое лицо.

– Мы оба использовали друг друга. Одинаково. Ты не была жертвой.

Мне нечем парировать. Он прав.

Несколько секунд проходят в гнетущей тишине. Я хочу выхватить свой старый телефон, но Хейден внимательно следит за каждым моим движением.

– С этим парнем у тебя тоже взаимное использование друг друга? – спрашивает он.

– Нет, – откровенно отвечаю я. – Он на это не способен.

Хейден смеется, и я тут же жалею о своей откровенности, поэтому меняю тактику:

– Ты видел, как он играет?

Возможно, этот вопрос – ошибка. Но какая разница? Хейден давно меня ненавидит, а его прощение мне не нужно, так что я ничего не теряю.

Его синие глаза вновь наливаются кровью. Это зависть.

– Зря ты это сделала, – медленно произносит он.

Я озадаченно смотрю на него.

– Что именно?

Но вместо ответа Хейден встает и поправляет воротник

пальто.

– Поверь мне, крошка, мы еще увидимся.

С этими словами он уходит.

Не желая уточнять, что именно он имел в виду, и вообще продолжать этот разговор, я выдыхаю.

У стойки администратора я вижу Финна, сложившего руки на груди. В его хмурой позе нет ничего нового, но все равно мне становится не по себе. За весь разговор с Хейде-ном я ни на секунду не вспомнила о том, где нахожусь.

– Финн, я...

– Это последнее предупреждение, Маккензи, – спокойно произносит он. – Самое последнее.

Он уходит, а я готова закричать от вновь навалившейся на меня тяжести и непонимания. Что я снова делаю не так?

Глава 10

Ноэль

Боже, какая она горячая.

Это первая мысль, когда я наконец-то вижу Маккензи. И эта мысль не отпустит меня до тех пор, пока на нас не останется ничего из одежды.

Мы договорились встретиться на роллердроме. Но я опоздал, простояв в пробке полчаса.

Маккензи уже катается, когда я беру на прокат ролики. Она замечает меня, проезжая мимо, и улыбается. Я просто открываю рот. Она все та же, но что-то изменилось.

– Ты улыбаешься! – кричу я, когда Маккензи в очередной раз проезжает мимо.

Ее смех доносится до меня через шум, смешанный из музыки, голосов и стука колес роликов по полу. Я со скоростью Флэша завязываю шнурки и пытаюсь ее догнать.

Маккензи ловко уворачивается от моих рук, когда я подъезжаю к ней. Она мастерски уходит, постоянно делая какие-то финты на роликах.

– Черт, – бурчу я. – В следующий раз будем соревноваться на моем поле.

Маккензи фыркает, откатываясь дальше.

– Меня научили кататься на коньках, когда мне было пять.

Я делаю вид, что не впечатлен.

– Я встал на коньки в три.

Маккензи кивает, давая понять, что верит. И я не соврал.

Затем она резко останавливается, и мы оказываемся лицом к лицу. Вокруг нас катаются другие люди. Блики диско-шаров и неоновые огни скользят по нашим телам и лицам. Я рассматриваю волосы Маккензи, рассыпанные по плечам. Они напоминают молочный шоколад. И пахнет от них так же.

– Ты так смотришь на меня, – говорит она словно самой себе.

Я притягиваю ее за талию к себе одной рукой, а второй провожу по ее мягким волосам.

– Не могу по-другому.

Маккензи целует меня, и я охотно отвечаю. На ней черный топ с длинными рукавами и широкие джинсы. Я обхватываю руками оголенную часть ее спины и чувствую под пальцами горячую кожу. Она невероятная.

Закончив поцелуй, Маккензи смотрит на меня снизу вверх горящими глазами. Веселая музыка сменяется на Bülow «Not A Love Song». В ней словно что-то изменилось. Она улыбается, что делает редко, но зеленые глаза выдают печаль.

– Что случилось? – спрашиваю я.

Улыбка исчезает. Маккензи вздыхает и оглядывается на

прокатывающихся мимо нас цепочку девчонок.

– Это не лучшее место для разговора.

– Хорошо, – соглашаюсь я и беру ее за руку. – Давай на некоторое время забудем обо всем.

Она охотно соглашается. Переплетя пальцы, мы катаемся еще какое-то время, периодически прерываясь на поцелуи. Когда вокруг нас становится слишком много людей, мы решаем выйти с паркета.

Рядом с фудкортом в красной палатке я покупаю Маккензи леденец-гачу. Сорвав обертку, она улыбается.

– Черный.

Я пожимаю плечами.

– Странно, сегодня ты веселее, чем обычно.

Она облизывает леденец, вызывая у меня тяжелый вздох. Заметив это, Маккензи закатывает глаза.

– Держи себя в руках.

Я прочищаю горло и стараюсь сделать так, как она сказала.

– Какой твой любимый цвет?

От удивления Маккензи таращится на меня, как на идиота.

– Ты серьезно?

– Конечно. Не знаю, почему мне не приходило в голову тебя об этом спросить.

– А это важно? – уточняет Маккензи.

Я киваю и двумя пальцами обеих рук поддегиваю на груди свою темно-фиолетовую толстовку.

– Моя сестра на этом помешана. Для нее цвета как настроение или период жизни.

Маккензи раздумывает, перекатывая между зубами черный леденец. Я стараюсь не думать пошло, но у меня плохо получается.

– Прозрачный, – внезапно говорит она.

– Твой любимый цвет прозрачный? – уточняю я.

Маккензи кивает.

– Ага.

Я начинаю смеяться, чем вызываю ее хмурый взгляд.

– Ну нет, лягушонок. Это читерство.

Она пихает меня в плечо.

– Не называй меня так.

Пятясь от маленьких ручек Маккензи, я едва не сбиваю палатку с леденцами.

– Черт, Ноэль, – бурчит Маккензи и извиняется перед продавцом.

Затем мы снова отстраняемся от этого мира, погрузившись друг в друга. Я отвожу ее в сторону от фудкорта. Маккензи прижимается к моей груди спиной, а я забираюсь на широкий подоконник недалеко от выхода. Блики диско-шаров достают и до этого уединенного места, поэтому, когда я поднимаю руку Маккензи, по ее пальцам прыгают маленькие разноцветные круги. Я не вижу ее лица, когда задаю вопрос:

– Что случилось?

Ее грудь вздымается под моими руками.

– Я была у отца.

Я молчу.

– В тюрьме, – добавляет она.

На некоторое время мы погружаемся в тишину, пока Маккензи не продолжает:

– Полиция давно подозревала его в незаконной деятельности, но никаких прямых улик не было. Когда я разбила очередную машину, отец не стал препятствовать изъятию моих прав. Я разозлилась. Один коп обещал мне, что сделает так, что эта ситуация просто замнется, и я снова получу свои права. Он спросил, что я могу дать взамен. – Она невесело усмехается. – Я подумала совсем другое, но он намекнул, что это касается бизнеса отца. Я просто... я... украла папку из сейфа. Я знала код и выкрала ее. Просто из злости. Понимаешь, что я совершила?

– Малышка...

– Нет, Ноэль. Я предала его, поступив как долбаная психопатка. Но я действительно думала, что мой отец все может, что он просто отделается штрафом или там вообще ничего не найдут. Я и представить не могла, что закрутится в итоге. Просто хотела, чтобы он так же, как и я, посидел в полицейском участке.

Она дрожит, и я теснее прижимаю ее хрупкое тело к себе, уткнувшись в ее волосы.

– Теперь папа в тюрьме, а мама ненавидит меня за это, – тихо заканчивает Маккензи.

У меня уходит несколько секунд на то, чтобы собраться с мыслями. Затем я разворачиваю Маккензи к себе. В ее глазах слезы. Я вытираю слезинку, которая медленно скатывается по щеке.

– Ты поступила глупо, но не заслуживаешь ненависти.

Она с трудом кивает.

– Он не злится на меня, потому что любит.

– Конечно, ведь он твой отец.

– А мама... – Маккензи запинается. – Не хочу говорить о ней.

Я тяжело вздыхаю. Судя по всему, что я услышал, у них тяжелые отношения, но я почти ничего не знаю, поэтому не могу судить. То, что случилось с отцом... Черт побери, мне сложно ее в этом обвинять. Мы все совершаем плохие поступки. В моей голове пока не укладывается все то, что я услышал, но ничего из этого не заставит меня отвернуться от этой девушки.

– Семья – это сложная штука, – говорю я, стирая пальцем очередную слезинку Маккензи. – Мои родители развелись, и это было паршиво.

Она смотрит на меня светящимися зелеными глазами.

– Спасибо, что ты здесь.

Вместо ответа я ее целую, но через пару секунд отстраняюсь.

– Надеюсь, после встречи с отцом ты отпустила чувство вины.

Маккензи кивает.

– Но не до конца.

– Дай себе время. Ты должна себя простить, ведь у тебя своя жизнь, а у твоих родителей своя. Что бы они ни делали со своей жизнью, это уже не должно тебя касаться.

Маккензи слабо улыбается и, протянув руку, ласково проводит ладонью по моей щеке.

– Какой мудрый хоккеист.

Я подмигиваю.

– Обращайся.

– Поэтому я уверена, что твои родители лучше моих.

Я не собираюсь спорить, но немного задумываюсь над этим.

– Не знаю. Я боюсь тебя знакомить со своей мамой.

Сначала Маккензи словно пугается моих слов, и я уже жалею, что ляпнул это, но уже через секунду она издает смешок.

– Я немного помню ее.

Точно. Я и забыл про тот случай в пиццерии.

– И?

Маккензи пожимает плечами.

– Ну, я помню ее улыбку, похожую на твою. Пока мне нечего добавить.

Понаблюдав за ее реакцией, я решаюсь снова задать вопрос, который ей, скорее всего, не понравится. После вечеринки и сообщений мне бы хотелось поставить точку. Ника-

ких бывших в наших отношениях быть не должно.

– Ты говорила с Хейденом?

Лицо Маккензи меняется. Она даже отстраняется от меня.

– Забудь его.

Я спрыгиваю с подоконника и подхожу к ней.

– Маккензи, он угрожает тебе?

Она быстро качает головой.

– Нет. Он просто обиженный мальчик, который думает, что все достается просто так. Что он может заниматься тем, чем хочет, при этом не прилагая усилия. Это в прошлом. Сомневаюсь, что он будет тебе что-то снова писать, но я хочу, чтобы это больше меня не касалось. И тебя тоже.

– Судя по тому, что он достал мой номер, – рассуждаю я. – Он настроен решительно. – Маккензи лишь поджимает губы.

– Парень из моей команды, Майк Стивенсон, учился с ним в одной школе.

На лице Маккензи появляется понимание.

– Теперь все понятно. И сообщение, и вечеринка.

– Да, – соглашаюсь я.

И, возможно, эта девчонка-сталкерша тоже его рук дело. Она до сих пор достает меня в сети. Но не думаю, что стоит об этом говорить Маккензи. Это не столь важно. По крайней мере, сейчас.

Притянув Маккензи к себе за талию, я обнимаю ее и кладу подбородок на ее голову.

– В следующий раз тщательнее выбирай парней. Тех, которые не станут сумасшедшими бывшими.

Она смеется и поднимает голову, чтобы посмотреть на меня.

– Я постараюсь.

Игриво надув губы, я хмурюсь.

– Я хотел не это услышать.

Маккензи продолжает игру.

– Знаю.

– Черт, малышка. – От вида этой девушки в моих руках у меня сносит крышу. Я слегка хватаю Маккензи за задницу. – Ты меня сводишь с ума.

Она театрально прикусывает нижнюю губу.

– Ноэль.

– Это правда. – Я наклоняюсь, чтобы прижать свой лоб к ее.

Она перестает улыбаться, и снова ее глаза становятся серьезными.

– Я могу стать твоим кошмаром, – почти шепотом произносит она.

Я прерывисто дышу, ощущая во всем теле возбуждение.

– Звучит слишком пафосно, – улыбаюсь я.

Но Маккензи не улыбается в ответ. Похоже, она серьезно.

– Ты лучше, чем ты думаешь. – Я больше не улыбаюсь.

Она не представляет, насколько. Я встречался с разными девушками, я не ищу идеал, но она что-то другое.

Грудь Маккензи тоже начинает вздыматься от нашего тесного контакта.

– Мы не на крыше, но хочешь еще один маленький секрет?

Не в силах что-то ответить, я просто киваю.

Маккензи поднимает между нами руки. Затем двумя указательными пальцами оттягивает свою нижнюю губу. У меня расширяются глаза.

На влажной розовой коже отчетливо читается слово, выбитое черными чернилами.

nightmare¹

Кошмар.

– Это было на спор? – интересуюсь я.

Маккензи кивает и отпускает губу.

– Странно, но я об этом не жалею.

Я провожу пальцем по ее нижней губе.

– Это слишком горячо, чтобы жалеть. В таком случае, ты мой лучший кошмар.

¹ Кошмар.

Глава 11

Девять месяцев назад

Маккензи

Вцепившись в руль, я тяжело дышу. Мне страшно открыть глаза. В правой руке я чувствую боль и как что-то жидкое течет по пальцам. Вдалеке я уже слышу вой сирен. Хейдена нет рядом, телефон я оставила в доме Пайпер. Видимо, кто-то заметил, как я врезалась, и вызвал полицию.

Мне приходится открыть глаза. Первое, что я вижу, это кровь, текущую из сломанного ногтя на правой руке. Мой божественный красный маникюр испорчен. Я усмехаюсь и от резкой боли в голове издаю стон. Кажется, головой я тоже приложилась. Из аудиосистемы громко играет Halsey «Nightmare». Вытряхнув из бардачка весь хлам, я нахожу бинт и заматываю палец.

Черт возьми, почему это снова случилось?

Я выхожу из машины и едва не падаю. Улица почти пустая, не считая двух людей, которые быстро ко мне приближаются.

– Девушка, вы в порядке? – спрашивает какой-то мужчина.

Я осматриваю свои голые ноги и кроссовки, чтобы определить, действительно ли я в порядке. Зябко ежусь и непонимающе смотрю на людей, подошедших ко мне. Они тоже рассматривают меня, ожидая ответа. Испуганный взгляд мужчины с меня перемещается на машину за моей спиной.

– С вами все в порядке?

Я киваю.

– Да.

– Помощь уже в пути, – говорит второй.

– Черт, – вырывается у меня.

Мне страшно повернуть голову и посмотреть, во что на этот раз я превратила подарок отца.

* * *

Все было сделано быстро. Протокол, подпись, мой возмущенный писк, назначенный день суда.

Не веря в происходящее, я стою посреди коридора в полицейском участке. Папа разговаривает с офицером и качает головой. У меня даже не будет адвоката.

Когда он подходит ко мне, у меня трясутся губы, и я едва выговариваю:

– Ты же не серьезно... Я не специально.

Отец смотрит на меня непривычно строго. Его глаза про-

жигают во мне дыру, и я впервые ощущаю страх перед ним. Он поправляет лацканы пиджака и кивком указывает на выход.

– Если не хочешь идти пешком, я жду тебя в машине.

– Папа...

– На этот раз ты ответишь за свои действия, Маккензи, – жестко произносит он. – По всем правилам.

– Ты не сделаешь этого.

Он разочарованно мотает головой и выходит за дверь.

Я продолжаю стоять на месте, словно мои ноги приросли к полу. Он никак мне не поможет. Я четко это осознала, увидев его взгляд.

В ужасе начинаю рыться в карманах, но снова вспоминаю, что с собой я ничего не взяла. Мы поругались с Хейденом из-за какой-то ерунды. Я схватила ключи и выскочила на улицу. Он что-то кричал мне вслед, но не поехал за мной, как делал это обычно. Он остался на вечеринке, а я не справилась с управлением. Снова.

Внезапно передо мной вырастает высокая фигура полицейского Леблана. Я не знаю его звания, но мне приходилось видеть его часто, даже у нас дома. Папа говорил, что он имеет на него зуб и что-то постоянно вынюхивает, словно ищейка.

– Отец уехал без тебя, Маккензи?

Меня раздражает его фамильярность, но, судя по тому, что я ему попадалась на глаза не только в нашем доме, но и за другие мелкие правонарушения, мы можем считать друг

друга старыми знакомыми.

– Он ждет меня снаружи, – сквозь зубы отвечаю я, не зная, что от него можно ожидать.

Этот мужчина достаточно молод. Его темные глаза пробегают по моим голым ногам, коротким шортам и бомберу от «Гуччи». Мне неприятен этот взгляд, но я уже привыкла.

– Знаешь, – на выдохе произносит он, подойдя ближе. Я чувствую запах его дешевого парфюма. – Я могу тебе помочь.

Я усмехаюсь. Голова все еще гудит, и, как я поняла позже, не от удара, а от количества выпитого алкоголя на вечеринке.

– О чем вы?

Он осматривается, прежде чем ответить.

– Я сделаю так, что у тебя останутся права. Тебя оправдают.

Не веря своим ушам, я качаю головой.

– Разве такое возможно?

Леблан улыбается.

– Сколько тебе сходило с рук до сегодняшнего дня?

Мне не приходилось считать, так что вопрос достаточно сложный. И даже в таком состоянии я понимаю, что не должна признавать вину, стоя перед полицейским.

– Мне не сходило с рук, я просто не была виноватой.

Леблан снова демонстрирует свою хищную улыбку.

– Ты умная девочка. Позволь мне тебе помочь. Я ведь понимаю, что в этот раз ты сглупила. Бывает разное, но закон

есть закон. Ты оказалась пьяной за рулем, превысила скорость, сбила фонарный столб. Хорошо, что не пострадала сама. Но ты не заслуживаешь наказания, это мое мнение.

У меня округляются глаза.

– Правда?

Коп действительно выглядит серьезно. Он больше не улыбается.

– Твою машину заберут, Маккензи. Водительское удостоверение тоже конфискуют. Тебе придется заново сдавать на каждую категорию. Назначат штраф. Все это отразится в личном деле, а у тебя впереди целая жизнь.

– Но отец... – вырывается у меня, хотя я не должна была этого говорить.

Леблан качает головой.

– Не в этот раз. Он это точно дал понять.

Я и сама это уже осознала. Внезапно во мне просыпается ярость. Я ведь его дочь. Он должен мне помочь и в этот раз. Но если я могу справиться без него, то я воспользуюсь этой возможностью. Докажу, что вполне самостоятельная.

– Что ты хочешь? – заплетающимся языком спрашиваю я.

Глава 12

Маккензи

Это первый раз, когда мы с Эйвери оказываемся лицом к лицу. Я видела ее лишь несколько раз на арене и однажды в пиццерии. Ноэль не единожды предлагал провести время с его сестрой и его лучшим другом. Учитывая, что они живут втроем, а я периодически остаюсь в их квартире на ночь, мне стоило хотя бы познакомиться с ними. Но я всегда искала отговорки.

Не знаю, что именно меня останавливало, но сейчас, глядя на серьезное лицо Эйвери, могу предположить. Я очень и очень ей не нравлюсь. Ну, она хотя бы пытается это скрыть.

– Привет, – первой произносит она и подходит к кофейнику.

– Привет, – эхом отвечаю я.

Мне не присуще чувство неловкости, но, кажется, именно сейчас я испытываю что-то подобное. Это странно. С девушками мои отношения никогда не складывались. Раньше я думала, что у меня были подруги, но то, что происходило между нами, дружбой не назовешь. Скорее, соперничество. Единственные девушки, которые легко вошли в мою

жизнь, – это Руби и Майя. Но и с ними я вижу только на работе. Они практически ничего не знают о моей жизни.

Проснувшись, я была уверена, что мы с Ноэлем в квартире одни. Поэтому спокойно вышла на кухню попить воды.

Пока Эйвери возится с кофейником, я придумываю причины слинять. И вообще, почему я должна что-то придумать? Можно ведь просто молча уйти. Понятия не имею, почему перед Эйвери у меня появляется какая-то робость.

Может, все дело в ее брате, а может, во взгляде, которым она в очередной раз меня одаривает. Есть в ней что-то непохожее на других. Не могу описать, что именно. Но в карих глазах Эйвери словно застыла грусть. Быть может, мне кажется, но, вспомнив, что рассказал мне Ноэль, я думаю, что права.

– Ты не ожидала меня увидеть? – внезапно задает она вопрос.

Это очевидно.

– Да, – честно отвечаю я.

Губы Эйвери слегка приподнимаются в улыбке. Боже, как же сильно они с Ноэлем похожи друг на друга. Я встречала в своей жизни идентичных близнецов, но они были однополыми, и подобная схожесть объяснима. Но эти двое...

Эйвери действительно выглядит женской версией Ноэля, но при этом все ее черты мягкие. Длинные пушистые ресницы обрамляют яркие шоколадного оттенка глаза. И у нее классная фигура, это заметно даже под бесформен-

ной огромной футболкой, но благодаря коротким пижамным шортам я могу оценить красивые длинные ноги. Она выше меня почти на голову.

Но то, чем она прежде всего привлекает внимание, – это, конечно же, волосы. Они густые, длинные, слегка волнистые и цвета морской волны. Это удивительно теплый цвет, несмотря на широкую полосу темных корней на макушке, они все же кажутся натуральными. Это какая-то магия. Когда я осветляла свои волосы, мне приходилось долго их восстанавливать, чтобы вернуть им жизнь.

От Эйвери не ускользает то, как пристально я ее рассматриваю. Она делает то же самое. Не знаю, какую оценку моей внешности она дает, но не собираюсь озвучивать свою: десять из десяти.

Да, черт возьми, я завидую.

– Наверное, мне лучше вернуться в комнату, – стряхнув с себя оцепенение, я ставлю пустой стакан на кухонную стойку.

Эйвери приподнимает брови, видимо удивившись моей откровенности.

– Я тебе не нравлюсь?

На какой-то момент я теряюсь от неожиданного вопроса, но через секунду нахожусь с ответом.

– Да нет, похоже, я тебе.

Эйвери несколько секунд пристально смотрит на меня. Ее взгляд опускается на джерси с номером пятнадцать, в кото-

ром я стою.

– Для первого разговора ты слишком откровенна, – отвечает она.

Это вызывает у меня улыбку. Боже, она крутая. Потому что не стала меня разубеждать и пытаться изо всех сил улыбаться только лишь потому, что я девушка ее брата.

– Это редко играет мне на руку.

Эйвери тоже сверкает полуулыбкой, благодаря которой я замечаю точно такой же клык с левой стороны, как и у Ноэля.

– Наверное, не зря, – рассуждает она и жестом предлагает кофе.

В ее взгляде все еще читается настороженность, но у меня не настолько низкая самооценка, чтобы заострять на этом внимание. К тому же, мне нравится наш, казалось бы, пустой диалог. С ее стороны нет агрессии, и у меня не возникает желания пускать яд.

Я не успеваю ответить и даже потянуться к кофейнику, как позади меня хлопает дверь и уже через секунду я чувствую запах Ноэля. Он принял душ, от него пахнет свежестью и белым мускусом. Оказавшись рядом со мной, Ноэль целует меня в висок.

– Доброе утро. Надеюсь, вы уже познакомились и мне удалось избежать этой неловкой сцены.

Я бросаю быстрый взгляд на Эйв, но она смотрит на брата и кивает.

– Наконец-то.

Теперь я вижу в ней изменения. Рядом с братом из ее глаз исчезает настороженность.

– О да, – соглашается Ноэль, широко улыбнувшись.

Встретившись с ним взглядом, я вижу в выражении его лица вопрос. Или это волнение. Я улыбаюсь в ответ, и он расслабляется. На нем одни штаны, и упругое подтянутое тело источает запах и тепло. На какой-то промежуток времени я забываю, где нахожусь, поддаваясь своим похотливым мыслям и мечтая вновь ощутить его вес на своем теле. Словно этого не было несколько часов назад.

Ноэль прочищает горло.

– Лягушонок, не смотри так на меня, – тихо произносит он.

Хмыкнув, я парирую:

– Тогда надень футболку.

Эйвери громко прыскает.

– Простите, не мое дело, но... лягушонок?

Боже, я пропустила это мимо ушей.

– Иногда он хочет смерти, – театрально улыбаясь, говорю я.

В ответ Ноэль начинает играть мускулами.

– Что, это уже не работает?

– Нет, – твердо отвечаю я.

Ноэль закатывает глаза и, быстро ущипнув меня за задницу, переключается на сестру. Эйвери больше не смотрит на меня. Она отвечает на шутки брата и, откинув голову, гром-

ко смеется. Между ними своя синергия. На какое-то время я ощущаю себя лишней, но чувствую, что мои губы растянуты в улыбке, пока за ними наблюдаю. Они передают друг другу продукты и посуду, не произнося об этом вслух и говоря совершенно о другом, не о завтраке, который готовят в четыре руки. Возможно, это просто объяснить. Они живут друг с другом сколько себя помнят, и весь быт просто дело привычки. Но мне почему-то хочется придавать немного большее значение их близнецовой натуре, чем есть на самом деле. В жизни и без того все скучное и приземленное, иногда хочется романтизировать обычные вещи.

Эта мысль ударяет мне в голову. Я никогда не задумывалась о таком. Это звучит странно даже в мыслях.

В какой-то момент я все же начинаю ощущать отрешенность. У меня нет обиды или злости на Эйв, которой я не нравлюсь, мне просто не хочется смущать сестру Ноэля своим присутствием. Это ведь не просто ночи, которые я здесь провожу, не встречаясь с ней и ее парнем. Здесь и сейчас в дневное время я врываюсь в ее пространство. Черт, неужели я хочу показаться лучше, чем есть на самом деле?

Ноэль замечает перемену в моем взгляде. Он ставит тарелку с готовым завтраком на стол и подходит ко мне.

– Не говори, что собираешься уйти.

Ну как сказать ему? Как, глядя в эти теплые шоколадные глаза? Он прекрасно понимает, какой эффект на меня производит, и иногда даже старается этим не пользоваться. Но

не в данный момент.

– Ноэль, – с тихим вздохом произношу я.

Он улыбается, прекрасно понимая, что уже победил. Его сильные руки обхватывают мою талию. Я оказываюсь в кольце и не могу сопротивляться.

– Давай, – шепчет на ухо он, сводя меня с ума своим дыханием. – Останься со мной на весь день.

Если бы только с ним...

Бросив взгляд через плечо Ноэля, я встречаюсь с глазами Эйвери. Если его эмоции всегда легко прочесть, то эмоции его сестры для меня загадка. Мы уже выяснили, что я ей не нравлюсь, но уверена, что Ноэлю это знать не обязательно. Хотя, наверняка, он догадывается сам, зная свою сестру. Но, по крайней мере, мне бы хотелось, чтобы она в его присутствии это не демонстрировала.

Иногда даже приятно думать не только о себе и своих чувствах.

После завтрака я принимаю душ и надеваю шорты Ноэля, чтобы не светить нижним бельем перед парнем Эйвери, который вернется примерно через полчаса. В это время я наблюдаю за перепалкой близнецов. Боже мой, Ноэль и без сестры просто сгусток живой энергии, а рядом с ней этот градус повышается в два раза. Я серьезно!

У меня никогда не было братьев или сестер, в доме с родителями я была одна, как и в доме дяди Дастина, чьи сыновья давно выросли. Поэтому смотреть на близнецов становится

моим сегодняшним развлечением.

Они делают это неосознанно: хватают одновременно пульт, затем барахтаются на диване в борьбе за него; выкрикивают свои непонятные для меня шутки – одновременно; напевают одну и ту же мелодию – одновременно. С ними можно сойти с ума.

С появлением Энтони атмосфера меняется. Он словно туман приглушает своим присутствием буйно-яркие огни. Эйвери переключается на своего парня, а Ноэль как будто расслабляется. Я не знаю, откуда у меня появляется это чувство, но Энтони странно себя ведет, когда Эйвери уходит в ванну. Я бы не назвала это гиперконтролем, но они постоянно глазами следят друг за другом. Наверное, это связано с тем, что случилось с Эйвери.

В отличие от Эйв, Энтони со мной дружелюбен. Его смело можно назвать милым из-за коротких рыжих волос и ярко-зеленых глаз, но в то же время вся его фигура излучает мощь. Он немного крупнее Ноэля, и по костяшкам я могу определить, что клюшку этот парень держал не так давно.

* * *

– Ты собрал машину? – удивленно вскрикиваю я, глядя на Ноэля.

Несколько минут назад закончилась комедия, во время которой мы вчетвером, сидя на диване в гостиной и сбив-

шись по парам, пялились в экран почти два часа. Затем Эйв упомянула какой-то танк, и тут парней прорвало.

Ноэль скромно пожимает плечами, но Эйвери пихает его в плечо.

– Не верь ему. Энтони сделал это почти в одиночку.

– А кто притащил эту развалюху с фермы Харви? Разве не я? – защищается Ноэль.

На это его сестра закатывает глаза.

– Но и это ты делал не один!

Пока близнецы спорят, мы с Энтони обмениваемся крошечными улыбками, и я понимаю, что машину для Эйвери собрал именно он. Обалдеть.

– Могла бы подыграть перед моей девушкой, – обрывает тираду своей сестры Ноэль.

Та, в свою очередь, хмыкает.

– Мне делать это перед каждой?

В комнате моментально становится душно от неловкой тишины. Ноэль хмурится, а Энтони прочищает горло и тихо произносит:

– Эйви.

Она бросает на меня быстрый взгляд и вздыхает.

– Просто шутка.

Я пожимаю плечами, но неприятное ощущение никуда не исчезает. Не знаю, намеренно ли Эйв это сказала. Она не похожа на стерву, и если это типичная сестринская ревность, то она не совсем здоровая. Или возможно, что она видит стерву

как раз во мне. Не знаю. Плевать.

Или нет.

– Мне нужно немного посидеть за ноутом, – произносит Эйв, вставая с дивана.

Когда она исчезает за дверью спальни, Энтони уходит следом за ней. Мы с Ноэлем остаемся одни. Его ладонь ложится на мое бедро, пока я пытаюсь понять, что вообще происходит на экране. Мыслями я далеко.

– Если тебе важно знать, то сюда я не приводил девушек.

Мне это важно знать, но это не должно иметь значения.

Какая разница, верно?

– Просто у тебя не было времени, – отвечаю я.

Ноэль улыбается, придвигаясь ко мне ближе.

– Это правда.

Я пыталась пошутить, но, кажется, Ноэль абсолютно серьезен.

– Звучит не очень.

Он кивает.

– Не делай вид, что ревнуешь.

Если бы он только знал, что я испытываю внутри.

– Насчет Эйви... – пытается продолжить Ноэль.

Я не даю ему закончить.

– Все нормально.

– Эйв и правда пошутила.

– Я верю.

Это действительно безобидная шутка, и мне бы не хоте-

лось, чтобы Ноэль переживал по поводу того, что я не нравлюсь его сестре. Хотя это слишком громкое слово. Возможно, она просто видит меня насквозь.

Наверное, я не должна оправдывать неприязнь к себе. Но и здоровый эгоизм я тоже не освоила. Я где-то посередине.

– Веришь? – повторяет он, и его пальцы слегка сжимают мое бедро.

Я стараюсь выглядеть невозмутимо, но рядом с Ноэлем это практически невозможно. И отвечая на заданный вопрос, я бы легко могла ответить «нет», но все еще пытаюсь сдерживаться и не обрушить на него весь поток своих эмоций.

– Главное, чтобы сейчас я была единственной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.